

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ COGNITIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035

УДК [811.161.1+ 811.161.3]373:398.9

Научная статья / Research article

Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления

Е.Е. Иванов¹, О.В. Ломакина^{2,3}✉, Ю.А. Петрушевская¹

¹Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова,
212022, Республика Беларусь, Могилёв, ул. Космонавтов, 1

²Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

³Московский педагогический государственный университет,
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Малая Пироговская, 1

✉ lomakina-ov@rudn.ru

Аннотация. В статье представлена попытка определить основные понятия и предложить методику выявления в синхроническом аспекте национальной специфичности пословичного фонда данного языка. В современной лингвистике всё больше внимания обращается на изучение межязыковой специфичности / общности пословиц как в теоретическом (типологическом, лингвокультурном) плане, так и в прикладном (лингводидактическом, лексикографическом) аспекте. Однако в языкознании отсутствует специальный методологический аппарат установления и описания национальной специфичности пословиц. Цель исследования — разработать и апробировать основные понятия и методику выявления в синхроническом плане национальной специфичности пословичного фонда языка. Методы исследования — межязыковое сравнение, структурно-семантическое моделирование, этнолингвистический анализ, лингвокультурологическое описание. Материалом для исследования послужили свыше 1500 наиболее активных пословиц белорусского языка (из его паремиологического минимума, основного паремиологического фонда, корпуса литературных текстов), а также пословицы славянских, балтийских, германских, романских, финно-угорских языков (всего более 220 000 пословиц из наиболее авторитетных паремиографических источников 34 европейских языков). В результате исследования установлено, что при дифференциации общих с другими языками и специфических единиц пословичного фонда языка наиболее эффективным является синхронический анализ на основе структурно-семантического моделирования пословиц. Определено и верифицировано лингвистическое содержание понятий «национальная специфичность пословичного фонда», «уникальная, интернациональная, универсальная пословица», «национальная специфичность пословицы», «национально-языковое

© Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

своеобразие, национально-культурная маркированность пословицы». Разработана и апробирована методика описания национальной специфичности пословичного фонда, которая включает принципы и приемы отбора наиболее репрезентативных единиц для анализа, определения межъязыковой специфичности / общности пословиц, установления их национально-языковой и национально-культурной специфики, выявления степени и характера национальной окрашенности пословиц данного языка. Доказано, что национальная специфичность пословичного фонда качественно и количественно детерминирована не уникальными на фоне других языков пословицами, а национально-языковым своеобразием и/или национально-культурной маркированностью общих с другими языками (интернациональных и универсальных) пословиц.

Ключевые слова: лингвистика, паремиология, пословица, пословичный фонд, национальная специфичность, методология, синхронический анализ, белорусский язык, современные европейские языки

Благодарность:

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН (Российская Федерация).

Исследование проведено в рамках выполнения задания Государственной программы научных исследований 2021—2025 гг., № 20211335 (Республика Беларусь).

История статьи:

Дата поступления: 31.08.2021

Дата приема в печать: 15.09.2021

Для цитирования:

Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Петрушевская Ю.А. Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996—1035. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035

UDC [811.161.1+ 811.161.3] 373:398.9

The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining

Eugene E. Ivanov¹ , Olga V. Lomakina^{2,3} , Julia A. Petrushevskaya¹

¹Mogilev State A. Kuleshov University,
1, Kosmonavtov Str., Mogilev, Belarus, 212022

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN),
6, Miklukho Maclay Str., Moscow, Russian Federation, 117198

³Moscow State Pedagogical University (MGPU),
1, st. Malaya Pirogovskaya, Moscow, Russian Federation, 119991

lomakina-ov@rudn.ru

Abstract. The article presents an attempt to define the basic concepts and proposes a methodology for identifying the national specificity of the proverbial fund of a given language in the synchronic plan. In modern linguistics, more and more attention is paid to the study of interlingual specificity / generality of proverbs, both in the theoretical (typological, language and cultural), and in the applied (linguodidactic, lexicographic) terms. However, in linguistics there is no special methodological apparatus for establishing and describing the national specificity of

proverbs. The aim of the research is to develop and test the basic concepts and methodology for identifying the national specificity of the proverbial fund of the language in the synchronic plan. Research methods — interlingual comparison, structural and semantic modeling, ethnolinguistic analysis, language and cultural description. The research material was over 1,500 of the most actively used Belarusian proverbs (from its paremiological minimum, the main paremiological fund, the corpus of literary texts), as well as proverbs of the Slavic, Baltic, Germanic, Romanic, Finno-Ugrian languages (more than 220,000 proverbs from the most authoritative paremiographic sources in 34 modern European languages). As a result of the study, it was found that for the differentiation of common with other languages and specific units of the proverbial fund of the language, the synchronic analysis based on the structural and semantic modeling of proverbs is the most objective. The linguistic content of the concepts “national specificity of a proverbial fund”, “unique, international, universal proverb”, “national specificity of a proverb”, “national and language specificity, national and cultural marking of a proverb” has been determined and verified. The methodology for describing the national specificity of a proverbial fund has been developed and tested. It includes the principles and methods of selecting the most representative units for analysis, the determination of the interlingual specificity / generality of proverbs, the ascertainment of their national and language, national and cultural specificity, the identification of the degree and nature of the national marking of the exact language proverbs. It is proved that the national specificity of the proverbial fund is qualitatively and quantitatively determined not by proverbs that are unique against the background of other languages, but by the national and language and / or national and cultural marking common (international and universal) proverbs of other languages.

Key words: linguistics, paremiology, proverb, proverbial fund, national specificity, methodology, synchronic analysis, Belarusian, modern European languages

Financing. Acknowledgement

This publication was supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program (Russian Federation).

The study was carried out of the task of the State Program of Scientific Research in 2021—2025, No 20211335 (Republic of Belarus).

Article history:

Received: 31.08.2021

Accepted: 15.09.2021

For citation:

Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Petrushevskaya, Ju.A. (2021). The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 996—1035. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035

Введение

Изучение пословиц в лингвистике XXI века оформилось в отдельное самостоятельное направление — паремиологию [1—10], а сама пословица в течение последних лет получила исчерпывающее собственно лингвистическое определение [11; 12], в том числе как основная разновидность афористических единиц [13—16] (в связи с чем языковедческое описание пословиц рассматривается уже как часть лингвистики афоризма [17. С. 72; 18. С. 177]).

Одним из наиболее динамично развивающихся аспектов современной сопоставительной паремиологии является изучение межъязыковой общности

специфичности / пословиц как с теоретической точки зрения (типологической, этнолингвокультурной), так и в прикладном плане (лингводидактическом, лексикографическом). Однако в языкознании на сегодняшний день отсутствует специальный методологический аппарат, позволяющий выявлять и описывать национальную специфичность пословиц, что приводит к неоправданному увеличению доли национального компонента в пословичном фонде языка. Часто квалифицируются как исконные, т.е. национально специфические, такие пословицы, которые имеют абсолютные аналоги в других языках. Попадая в учебную лингвистическую литературу, эти интернациональные пословицы вызывают удивление у носителей иностранного языка, искренне считавших их частью своей национальной лингвокультуры. Так, в лингвострановедческом словаре «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» (1988) можно встретить немало пословиц, которые широко распространены в европейских языках — имеют интернациональные структурно-семантические инварианты, согласно словарю «European Proverbs» (1997) G. Raczolay, напр.: *Дарёному коню в зубы не смотрят* [19. С. 46], ср. *Look not a gift horse / donkey in the mouth (or at the teeth)* [20. P. 54]; *За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* [19. С. 51], ср. *If one (or He who) runs after two hares, will catch neither* [20. P. 334]; *Конец — делу венец* [19. С. 58], ср. *The end is the crown / wreath of all (or the work)* [20. P. 277] и т.п. В лингвострановедческом словаре белорусских пословиц также описывается в качестве национальных единиц значительное количество интернациональных европейских пословиц, напр.: *Да пары збан ваду носіць <вушка адарвецца — збан наб'ецца>* [21. С. 61], ср. *The pitcher goes so long to the water / well / fountain until it breaks (or until its handle / neck breaks)* [20. P. 287]; *Поле бачыць, а лес чуе* [21. С. 120], ср. *Fields have eyes (or see) and wood / bush has ears (or listen)* [20. P. 120] и т.п.

То же характерно и для фразеологического материала, национальный характер которого, как правило, переоценивается. Следует отметить, что на это уже давно обратили внимание сами фразеологи и паремиологи, отмечая высокий процент межъязыковой общности в составе фразеологических единиц и пословиц европейских языков. Так, ещё в XIX веке составитель наиболее полного собрания немецких пословиц К.Ф.В. Вандер посчитал необходимым давать к ним иноязычные параллели [22]. В английском языке только около 40% пословиц относятся к иноязычным заимствованиям [23. P. 866], однако большинство английских пословиц имеют аналоги в других европейских языках [20; 24]. Единицы русского паремиологического минимума имеют прямые аналоги почти во всех славянских языках [25], поэтому русская фразеологическая и пословичная картины мира во многом интернациональны [26; 27]. В белорусском языке гораздо больше общих с другими языками, чем специфически белорусских пословиц [28; 29]. Это дало основание сделать неожиданный вывод о том, что «вопреки расхожему представлению о густо национальной маркированности идиоматики и паремиологии

они — как это ни парадоксально — являются более интернациональными, чем лексика» [30. С. 2].

В современной лингвокультурологической паремиологии [31] на первый план выходит не столько поиск специфического в пословичных фондах различных языков, сколько выявление в них общих с другими языками (т.е. интернациональных, или универсальных) пословиц, на фоне которого можно определить объём и характер национального компонента — на материале группы родственных языков [32], одного языка в сопоставлении с другими языками [33], данной пары неродственных (или дальнеродственных) языков [34] и даже одной пословицы данного языка в сравнении с её иноязычными аналогами [35]. Дифференциация общего с другими языками / специфического в пословичных фондах языков основывается на теории культурного трансфера [36—38], аксиологической интерпретации пословиц [39—45], этнолингвистического и лингвокультурологического анализа отдельных фрагментов пословичных картин мира [46—51].

При этом до сих пор не определены, не обоснованы и не верифицированы общие принципы межъязыкового сопоставления как в рамках каждого из указанных выше аспектов, так и всего подхода к выделению национально специфичного в пословичном фонде данного языка. В немногочисленных исследованиях теоретического содержания утверждается, что «национальная специфичность во фразеологии всегда устанавливается для пары привлекаемых к сопоставлению языков» [52. С. 49], хотя на практике количество языков часто составляет от трёх до пяти и даже более (в зависимости от полилингвальной компетенции исследователя). При выявлении межъязыковой общности / специфичности пословиц данного языка не всегда разграничиваются дескриптивный и сопоставительный подходы, компаративный и типологический анализ, что ограничивает репрезентативность полученных результатов (как, например, в белорусском языке [53]). Актуальным в этой связи является разработка методологических оснований для объективного определения того, что считать специфическим (национальным) в составе пословиц данного языка.

Цель исследования — определить основные понятия и принципы, разработать и апробировать методику выявления в синхроническом плане национальной специфичности пословичного фонда языка.

Методологической основой исследования являются межъязыковое сравнение, структурно-семантическое моделирование, этнолингвистический анализ, лингвокультурологическое описание. В качестве операциональных понятий, репрезентирующих форму и содержание пословиц и необходимых для идентификации межъязыковых пословичных аналогов, их национально-языкового своеобразия и/или национально-культурной маркированности, используется специально разработанный понятийный комплекс: структурно-семантическая модель, формальный вариант, слово-компонент, грамматическая организация, прототип, внутренняя форма, пословичный образ, ключевое понятие [54; 55].

Материалом для исследования послужили свыше 1500 наиболее активных пословиц белорусского языка (из его паремиологического минимума [25. С. 273—284; 56. С. 5—19], основного паремиологического фонда [56. С. 41—84], пословичного корпуса литературных текстов [57—59]), а также пословицы славянских, балтийских, германских, романских, финно-угорских языков — всего более 220 000 пословиц 34 современных европейских языков по материалам наиболее авторитетных полилингвальных паремиографических источников [20; 22; 24; 25; 60—62].

Основные понятия языковой и национально-культурной специфичности пословичного фонда

К основным понятиям, без которых невозможно описать национальное своеобразие пословичного фонда, можно отнести следующие: 1) национальная специфичность пословичного фонда; 2) уникальные (на фоне других языков) пословицы; 3) общие с другими языками пословицы; 4) национальная специфичность пословицы; 5) национально-языковое своеобразие пословицы; 6) национально-культурная маркированность пословицы. Указанные понятия во многом содержательно соотносятся между собой и определяются на основе друг друга, поскольку репрезентируют взаимодействующие параметры пословичного фонда языка.

Национальная специфичность пословичного фонда — это наиболее сложная его характеристика, которая основана на национально-языковом своеобразии и национально-культурной маркированности как уникальных (на фоне других языков), так и общих с другими языками пословиц.

В белорусском языке есть пословицы, которые, как показывают исследования [63; 64; 65], являются уникальными, т.е. не встречаются в других языках, и обладают, как правило, собственно белорусским происхождением (не являются дериватами иноязычных пословиц), напр.: *Абы ўмеў /-ла танчыць, а гаравачь / рабіць работу гора наўчыць* [63. С. 14]; *Ад вялікіх любошчаў / З вялікага каханья сабачае разбежышча* [63. С. 16]; *<А> калі што якое, дык <і> што там / тут такое* [63. С. 19]; *Бог не слухае, што свіння рухае* [63. С. 24]; *Гультаю — хлеб на кію* [63. С. 38]; *Калі худ, не лезь на кут* [63. С. 60] и т. д. Такие пословицы, без сомнения, являются наиболее очевидной частью национально специфичных единиц в составе пословичного фонда белорусского языка.

Вместе с тем в белорусском языке широко употребляются пословицы, общие с другими языками (чаще польским, русским, украинским, литовским, немецким, реже английским, французским и др.). Многие из таких пословиц характеризуются специфическими (не встречающимися в других языках, кроме белорусского) особенностями как лексико-грамматической организации, так и семантики (внутренней формы, пословичных образов).

Например, пословица *Адна / Першая ластаўка* (або *Першы шпак*) *вясны не робіць* является общей со многими языками и имеет универсальную

пословичную структурно-семантическую модель *One swallow does not make / bring a spring / summer* ‘Одна ласточка не делает / не принесёт весну / лето’ [20. Р. 49]. В белорусском языке универсальная пословица имеет специфический формальный вариант *Першы шпак вясны не робіць* [25. С. 280], который не зафиксирован в других языках (согласно существующим паремиографическим источникам) и в котором есть уникальный (на фоне её вариантов в других языках) лексический компонент *шпак* и соответствующий пословичный образ („скворец“). Это позволяет рассматривать пословицу *Адна / Першая ластаўка (або Першы шпак) вясны не робіць* как национально специфичную в составе общих с другими языками единиц пословичного фонда белорусского языка.

То же самое можно сказать и о тех белорусских пословицах, которые являются общими с родственными языками. Например, пословица *Відаць / знаць пана па халявах* является общей с польской *Poznać / Znać pana po cholewach* [66. С. 96], однако имеет в белорусском языке специфический компонент *відаць*, манифестирующий её национально-языковое своеобразие. Вариант второй части белорусской пословицы *Вольнаму воля, а шалёнаму поле / уратаванаму рай*, общей с рус. *Вольному воля, спасённому рай* [19. С. 39], репрезентирует фрагмент национальной картины мира белорусов, восходящий к древним мифологическим представлениям славян, в которых выход в поле символизирует выход в мир смерти (именно „в чисто поле“ выходили на смертный поединок былинные воины), а безумный, невменяемый, бесноватый и т.п. (бел. *шалёны*) считается принадлежащим миру смерти [21. С. 52]. Это позволяет отнести пословицу *Вольнаму воля, а шалёнаму поле / уратаванаму рай* к национально-культурно маркированным в составе общих с другими языками единиц пословичного фонда белорусского языка.

Степень (объём) национальной специфичности пословичного фонда прямо и непосредственно зависит от количества в нём не только уникальных (на фоне других языков) единиц, но также и общих с другими языками пословиц, обладающих национально-языковым своеобразием и/или национально-культурно маркированных. Характер (состав) национальной специфичности пословичного фонда определяется соотношением в нём единиц, обладающих национально-языковым своеобразием и национально-культурно маркированных. В соответствии с этим можно дифференцировать национально-языковое своеобразие и национально-культурную маркированность всего пословичного фонда. Кроме этого, характер национальной специфичности пословичного фонда во многом зависит от того, в составе каких именно единиц превалирует национально-языковое своеобразие или национально-культурная маркированность — или уникальных, или общих с другими языками.

Уникальные пословицы — это единицы, которые встречаются только в одном языке, не имеют в других языках аналогов (т.е. тождественных по структуре и семантике пословиц). Отсутствие таких аналогов определяется в результате односторонней синхроничной проекции единиц пословичного фонда одного языка на единицы пословичных фондов других языков (избранных для

сопоставления) на материале наиболее репрезентативных паремнографических источников (см. подробнее во втором разделе данной статьи). Уникальность в данном случае может рассматриваться как типологически значимый признак только в известном смысле, поскольку ограничена экстралингвистическим фактором (является релевантной только для некоторого количества языков, пословичные фонды которых имеют паремнографическое описание).

В современном литературном белорусском языке употребляется значительное количество пословиц, не имеющих аналогов в большинстве европейских языков, напр.: *Адзін Сцяпан — заўсёды пан, а калі і нястача, дзіця не плача*; *Батрачы / Служачы хлеб — сабачы*; *Дзеду міла, а ўнуку гніла*; *Каму на каму, а каму два камы*; *Не заўсягды <яды>, як на Дзяды <а працы, як у нядзелю>*; *Пазнаюць нашу дачку і ў андарачку*; *Чым за морам віно піць, лепш з Нёмана вадзіцу*; *Як шануе, то і Халімон танцуе* [21. С. 32, 40, 59, 62, 79, 101, 113, 152, 159]. Данные пословицы, как показал анализ наиболее авторитетных иноязычных паремнографических источников, не встречаются ни в одном из современных славянских, германских и романских языков, поэтому могут быть квалифицированы как уникальные.

Уникальные пословицы могут иметь эквиваленты в других языках — тождественные или близкие по смыслу пословицы с иной внутренней формой и иным планом выражения (лексико-грамматической организацией).

Например, белорусская пословица *Адзін Сцяпан — заўсёды пан, а калі і нястача, дзіця не плача* имеет эквиваленты в русском языке, ср.: = *Одна голова не бедна, а и бедна, так одна = Одному хоть тяжёлая доля, да всё своя воля* [21. С. 32]. Пословица бел. *Каму на каму, а каму два камы*, синонимичная бел. *Аднаму густа, а другому пуста*, имеет несколько иноязычных эквивалентов, ср.: = польск. *Jednym tydz, drugim nic* = рус. *У кого густо, а у нас пусто* [67. С. 113]. Пословица бел. *Дзеду міла, а ўнуку гніла* имеет эквиваленты во многих европейских языках, ср.: = польск. *Każdy ma swój gust* = рус. *У каждого свой вкус* = англ. *Every man lo his taste* = нем. *Jeder nach seinem Geschmack* = ит. *Ognuno ha i suoi gusti* = фр. *Chacun à son gout* [68. S. 110].

Следует отметить, что с диахронической точки зрения уникальные пословицы можно дифференцировать на три группы: 1) созданные в данном языке без влияния других языков (имеют собственно языковое, исконное происхождение); 2) попавшие в данный язык в результате дивергенции (долгое время были общими для двух или более родственных языков, но в итоге остались в употреблении только в данном языке); 3) пришедшие в данный язык из других языков (как родственных, так и неродственных) в результате длительных языковых контактов, но из-за различий в историческом развитии этих языков остались в употреблении только в одном языке.

Однако диахронический подход в определении уникальности единиц пословичного фонда того или иного языка на сегодняшний день, во-первых, недостаточно репрезентативен, поскольку часто отсутствует необходимая фактическая информация (в силу различий в глубине паремнографического описания пословичных фондов разных языков), во-вторых, методологически не

обоснован, поскольку исследования в области истории и этимологии пословиц ещё во многом остаются в области экстралингвистических интерпретаций (на основе этнографической, исторической, социокультурной информации). Поэтому, несмотря на растущее количество обоснованных сравнительно-исторических и этимологических экскурсов в паремиологии, объяснения происхождения пословиц в большинстве случаев весьма приблизительны, а часто и неверны.

Так, в недавно изданном в Беларуси и единственном в своём роде в славянском языкознании справочнике „Этымалагічны слоўнік прыказак“ (2014) И.Я. Лепешева [63] содержится множество поверхностных и ошибочных этимологий собственно белорусского происхождения таких пословиц, которые являются общими с другими славянскими и многими неславянскими языками, напр.: *Адна галава добра, а дзве лешы* [69]; *З вялікага грому малы дождж* [70]; *Хто мажа, той і едзе* [71] и т.п.

Синхронический подход позволяет абстрагироваться от времени и путей появления данной пословицы в избранном языке, сосредоточиться только на отсутствии vs. наличии аналогичных ей единиц в пословичных фондах других языков. При условии использования для сопоставления широкого языкового фона (различных языковых групп и семей) этого вполне достаточно, на наш взгляд, для определения межъязыковой уникальности той или иной пословицы в описываемом языке, прежде всего, с точки зрения массового языкового сознания (в сугубо эмпирическом ракурсе). Для обычного носителя языка (не профессионального лингвиста) при дифференциации собственно знаковых единиц (слов, фразеологизмов, языковых афоризмов) родного (или изучаемого) языка на специфичные vs., общие с другими языками, на первое место выходят критерии „вне пространства“ и „вне времени“ (здесь и сейчас) как наиболее очевидные и позволяющие легко эмпирически верифицировать (при помощи переводных, а также иноязычных нормативных словарей) межъязыковую общность / специфичность языковых единиц.

Для носителя русского языка, знающего пословицу *Коней на переправе не меняют*, достаточно обнаружить *Don't change horses in mid-stream* в словаре английских пословиц [72. Р. 90—91], чтобы сделать вывод об их общности (и, соответственно, об отсутствии национальной специфичности). Показательно, что для носителя английского языка ситуация будет аналогичной (обнаружив в русском или любом другом языке эту пословицу, он перестанет считать её собственно английской). При этом и тот, и другой, узнав из специальных справочных источников о том, что эта пословица имеет англоязычное происхождение и восходит к словам одного из самых известных Президентов США, национального героя американского народа Авраама Линкольна (1809—1865) [73], конечно, получат важную информацию о возникновении и национальной специфичности этой популярной пословицы в исторической перспективе, однако не перестанут считать её интернациональной в современной для них языковой стихии.

Апелляция к массовому языковому сознанию в данном случае важна потому, что именно на основе рефлексии о степени и характере национальной специфичности единиц родного (или изучаемого) языка формируется в рамках языковой картины мира представление о данном языке, его месте и роли как хранилища и канала передачи информации о национальной культуре и связях с другими национальными культурами.

Реализация синхронического подхода предполагает, что если для данной пословицы зафиксированы аналогичные (тождественные или максимально близкие по структурно-семантической модели) пословицы в других языках (хотя бы в одном из них), то такая пословица не может рассматриваться как уникальная (для данного языка).

Белорусская пословица *Адна галава добра, а дзве <яшчэ> лепш / лепей* не является уникальной — „собственно белорусской“, вопреки такой её квалификации в этимологическом словаре пословиц белорусского языка [63. С. 18], поскольку имеет не только эквиваленты, но и прямые структурно-семантические аналоги в славянских, германских и романских языках, ср.: = рус. *Одна голова хорошо, а две лучше* = укр. *Одна голова добре, а дві ще краще* = польск. *Jedna głowa dobra, druga jeszcze lepsza* = англ. *Two heads are better than one* = фр. *Deux têtes valent mieux qu'une* [67. С. 19—20].

Следует отметить, что в современном языкознании бытует мнение, согласно которому общие для нескольких родственных языков пословицы квалифицируются по своему происхождению как исконные в каждом из этих языков. Например, как «собственно белорусские» определяются «пословицы, которые образовались непосредственно в белорусском языке или перешли из общеславянского языка, или являются общими для восточнославянских языков» [6. С. 53]. При таком подходе, с одной стороны, неправомерно отождествляются уникальность (наличие только в данном языке) и исконное происхождение (образование непосредственно в данном языке), а с другой стороны, не разграничиваются историческая общность (как следствие перехода в разные языки из одного общего для них праязыка) и межъязыковая общность (как результат заимствований из родственных и неродственных языков, а также типологической общности).

Синхроничный подход можно считать наиболее объективным при определении уникальности пословиц (на фоне других языков), так как он позволяет отвлечься от неverified поисков исконного / иноязычного происхождения, а также не различать генетическую общность, исторические заимствования и результаты языковых контактов, т.е. совокупности факторов, которые оказывают решающее влияние на формирование и историческое развитие пословичного фонда в каждом языке, однако не позволяют определить его национальную специфичность на современном этапе.

Общие с другими языками пословицы — это единицы, которые имеют полные либо частичные аналоги (тождественные либо максимально близкие по своим структурно-семантическим характеристикам пословицы) хотя бы в

одном из других языков. Наличие межъязыковых пословичных аналогов определяется на основании односторонней синхроничной проекции единиц пословичного фонда одного языка на единицы пословичных фондов других языков (избранных для сопоставления) на материале паремиографических источников (см. подробнее во втором разделе данной статьи). Межъязыковая общность в данном случае является типологически значимым признаком, релевантность которого зависит от охвата языков и репрезентивности их имеющегося паремиографического описания.

На основании синхроничного подхода все общие с другими языками единицы в пословичном фонде языка можно разделить на два типа пословиц.

1. **Интернациональные пословицы**, которые являются общими для тех языков, отношения между которыми имеют характер языкового родства или языковых контактов. Термин „интернациональный“ в данном случае является омонимичным соответствующему термину в рамках лингвистической теории заимствования [74. С. 120—126] и близким к его использованию в рамках фразеологии для обозначения «межъязыковой общности... как результата генетического языкового единства, языковых и культурно исторических контактов, особенностей языкового развития» [75. С. 144].

Интернациональный характер имеют следующие белорусские пословицы, ср.: бел. *Ад добра добра не шукаюць* = рус. *От добра добра не ищут* = укр. *Від добра добра не шукають* (общие для восточнославянских языков) [67. С. 109]; бел. *Да Бога высока, да пана / да цара далёка* = польск. *Król daleko, Bóg wysoko* = рус. *До Бога высоко, <a> до царя далеко* = укр. *До бога високо, а до царя далеко* = лит. *Dievas aukštai, o karalius toli* ‘Бог высоко, царь далеко’ = латыш. *Dievs augstu, ķeizars tālu* ‘Бог высоко, царь далеко’ = нем. *Gott ist hoch und der König weit* ‘Бог высоко и царь далеко’ [67. С. 145] (общие для родственных славянских языков — польского, русского, украинского, а также языков ареальных и культурных контактов — латышского, литовского, немецкого).

2. **Универсальные пословицы** являются общими для языков, которые не связаны языковым родством и не имеют в своей истории непосредственных языковых контактов [76].

Универсальной является пословица бел. *Слова — срэбра, маўчанне — золата*, которая имеет аналоги в славянских, балтийских, романских языках, а также в немецком, венгерском, финском, турецком, арабском, персидском, японском языках [20. Р. 366—368], большинство из которых не имеют генетической связи с белорусским языком и никогда не имели с ним прямых языковых контактов.

Следует отметить, что в диахроническом плане общие с другими языками единицы пословичного фонда данного языка можно дифференцировать (по аналогии с фразеологическими и лексическими единицами) на четыре группы:

1) как результат дивергенции — остались как в данном языке, так и в родственных ему языках в результате их отделения друг от друга после

распада языкового континуума, исторически существовавшего на одной территории в единой языковой среде (например, в белорусском и двух восточнославянских языках — русском, украинском);

2) как результат конвергенции — стали общими для данного и родственных ему языков, которые долгое время использовались на одной территории в одной языковой среде (например, для белорусского и польского языков, белорусского и русского языков);

3) как результат заимствования в данный язык из других языков (как родственных, так и неродственных) вследствие исторически обусловленных языковых контактов (например, в белорусский язык из литовского языка) или культурного влияния одного языка на другой (например, на белорусский язык английского языка, немецкого языка и др.);

4) как результат общности речемыслительных процессов в обобщении действительности и его отражения в пословицах, которые являются общими для родственных и неродственных языков независимо от языковых контактов между ними, но при этом имеют в каждом из языков исконное происхождение (например, в белорусском языке и в китайском языке).

Однако диахронический подход в установлении общих с другими языками единиц пословичного фонда языка весьма существенно ограничен отсутствием необходимой фактической информации (по причине различной глубины паремиографического описания разных языков), а также недостаточно методологически обоснован (в силу различий в принципах и приёмах изучения пословиц в разных предметных областях языкознания и его национальных вариантах). Это обуславливает, как правило, субъективный характер описания межъязыковых аналогов и соответствий пословиц.

Белорусская пословица *У бабы валасы доўгія / волас доўгі, а розум кароткі / памяць кароткая* квалифицируется в этимологическом словаре пословиц И.Я. Лепешева как «общая для восточнославянских и польского языков» [63. С. 116], однако имеет аналоги и в других славянских языках, а также во многих языках балтийской, романской, германской языковых групп и, что весьма показательно, в языках иных языковых семей — в венгерском, в турецком языке и др., ср.: = словен. *Ženske imajo dolge lase, pa kratko pamet* ‘У женщины волосы длинные, но короткая память’ = латыш. *Sievām gari mati, īss padoms* ‘У женщины волосы длинные, короткая память’ = лит. *Bobos / Moteriškų ilgas plaukas, trumpas razumas* ‘У бабы / женщины волосы длинные, короткий ум’ = исп. *La mujer tiene largo el cabello y corto el entendimiento* ‘У женщины волосы длинные и короткий ум’ = ит. *Le donne hanno lunghi a capelli e corto il cervello* ‘У женщины волосы длинные и короткий ум’ = нем. *Weiber haben langes Haar und kurzer Verstand* ‘У женщины волосы длинные и короткий ум’ = венг. *Az asszonyembérnek hosszú a haja, rövid az esze* ‘У женщины волосы длинные, короткий ум’ = тур. *Kadının saçı uzun, akli kısadır* ‘У женщины волосы длинные, короткий ум’ [20. Р. 415; 67. С. 93—94] и т.д. В белорусском языке зафиксировано около 80 универсальных пословиц [77],

которые имеют многочисленные структурно-семантические аналоги в языках различных языковых семей и групп [67. С. 18—105].

Для выяснения того, является ли данная пословица общей с другими языками (имеет аналоги в других языках) и каков характер её общности (как результат генетического родства / языковых контактов / универсальности формы и содержания пословиц в обобщённом отражении действительности), не требуется ни диахронический анализ, ни сравнительно-исторический анализ, которые в большинстве случаев не дают однозначных ответов об иноязычном происхождении и иноязычных параллелях каждой отдельной пословицы. Синхронический подход позволяет абстрагироваться от конкретных путей и способов проникновения той или иной пословицы из одного языка в другой, акцентировать внимание только на факте общности данной пословицы в разных языках, не дифференцировать природу этой общности (генетическую, ареальную или контактного взаимодействия языков), а только определять её характер по критерию наличия vs. отсутствия генетических, ареальных, контактных связей между рассматриваемыми языками. Односторонняя синхроническая проекция позволяет исчерпывающе (однозначно и объективно) дифференцировать пословицы в данном языке не только по признаку специфичности / общности по отношению к другим языкам, но и по характеру общности (на интернациональные / универсальные) [78].

Национально специфичные пословицы — это, во-первых, единицы, которые не имеют аналогов в других языках (уникальные на фоне других языков), отражающие национальную специфичность пословичного фонда данного языка как целостные знаки, а во-вторых, общие с другими языками пословицы, в составе которых есть компоненты, имеющие языковое и/или этнолингвокультурное своеобразие. Общие с другими языками пословицы, в составе которых указанные компоненты отсутствуют, можно определить как нейтральные единицы — не имеющие признаков национальной специфичности, характеризующих данную пословицу в плане её принадлежности к данному языку и/или отражения ею данной национальной культуры.

Белорусская пословица *Давярай, але / ды правярай* [58. С. 151] (формальный вариант *Давяраць — давярай, але і правярай* [25. С. 275]) не является национально специфичной, так как не имеет ни собственно языковых, ни лингвокультурных характеристик, которыми бы выделялась (отличалась) на фоне аналогичных пословиц в других языках, ср.: = рус. *Доверяй и / но проверяй* [97. С. 284]; *Доверять — доверяй, но проверяй* = укр. *Довіряй, але перевіряй* [25. С. 53].

В свою очередь, белорусская пословица *Дзвюм смярцям не бываць, <a>адной не мінаваць* [58. С. 123] (формальный вариант *Не бываюць дзве смерці, а раз трэба памерці* [25. С. 278]) является национально специфичной в языковом плане, поскольку имеет такой формальный вариант (*Не бываюць дзве смерці, а раз трэба памерці*), который не встречается в пословичных аналогах других языков, ср.: = польск. *Dwóch śmierci nie będzie, a przed jedną nie*

uscieszysz = рус. *Двум смертям / Двух смертей не бывать, а одной не миновать* = укр. *Двом смертям не бувати, а одної не минувати* = англ. *You can only die once* ('Можно умереть только один раз') [67. С. 150] и т.д.

Национально специфичной является и белорусская поговорка *Язык Вільні / Кіева дапытас* (формальный вариант *Язык да Вільні / да Кіева давядзе*) [25. С. 284], имеющая в своём составе национально-культурно маркированный компонент — слово-реалию *Вільня*, благодаря которому у неё формируется фоновая (национально-культурная) семантика (совокупность ассоциаций с древней столицей Великого княжества Литовского в XIV—XVIII вв. и центром белорусской культуры в XIX — в начале XX в.), что выделяет данную поговорку в ряду её иноязычных аналогов, ср.: = польск. *Język i do Rzymu / Krakowa / Kijowa doprowadzi* = рус. *Язык до Киева доведёт* = укр. *Язык до Києва / i do Кія доведе* = исп. *Quien boca ha, a Roma va* 'Кто имеет язык, будет в Риме' = ит. *Chi lingua ha a Roma va* 'Кто имеет язык, будет в Риме' = фр. *Qui langue a, à Rome va* 'Кто имеет язык, будет в Риме' [67. С. 303—304] и т.д.

Национально специфичные поговорки являются частью как уникальных, так и общих с другими языками единиц пословичного фонда данного языка. В зависимости от этого различаются способы определения (и, соответственно, характер детерминированности) национальной специфичности поговорки.

Так, если поговорка является общей с другими языками, её национальная специфичность определяется носителями языка (и исследователем) на фоне иноязычных аналогов, т.е. путём односторонней синхроничной проекции компонентов структуры и содержания интернациональной или универсальной поговорки в данном языке на компоненты структуры и содержания её аналогов в других языках (степень очевидности и верифицированности национальной специфичности поговорки в данном случае увеличивается пропорционально количеству проанализированных её аналогов в других языках). Такой способ выявления национальной специфичности единиц пословичного фонда языка соответствует сравнительному подходу к пониманию национальной специфики языковых единиц [80. С. 251—271].

Если поговорка является уникальной в данном языке (на фоне других языков), национальная специфичность компонентов её структуры и содержания (помимо очевидной национальной специфичности уникальной поговорки как целостного знака) определяется носителями этого языка (и исследователем) на основе их знания (представления) о тех фактах национальной материальной или духовной культуры, фрагментах национальной картины мира, которые нашли отражение в тех или иных компонентах поговорки (в отличие от её нейтральных компонентов, которые эти факты и фрагменты не отражают). Такой способ выявления национальной специфичности единиц пословичного фонда данного языка соответствует интроспективному подходу к пониманию национальной специфики языковых единиц [80. С. 272—288].

Степень национальной специфичности пословицы прямо зависит от совокупного объёма тех компонентов её структуры или содержания, которые характеризуются языковым своеобразием и/или этнолингвокультурной маркированностью. В свою очередь, характер национальной специфичности пословицы обусловлен количественной представленностью по отдельности тех компонентов её структуры или содержания, которые либо обладают языковым своеобразием, либо этнокультурно маркированы. В этой связи целесообразно дифференцировать такие две характеристики национальной специфичности пословицы, как её национально-языковое своеобразие и национально-культурную маркированность.

Национально-языковое своеобразие пословицы — это характеристика, которая свойственна только общим с другими языками единицам пословичного фонда и проявляется в наличие такого языкового оформления пословицы, которое не встречается у её аналогов в других языках. Основными признаками национально-языкового своеобразия пословицы являются её отличие от своих аналогов в других языках по устройству структурно-семантической модели, наличию особенных формальных вариантов и/или лексических компонентов, характеру грамматической организации.

Белорусская пословица *Па Саўку / Сеньку / Хомку / Юрку <i> шапка* [25. С. 280; 58. С. 427] имеет аналоги в других языках, однако отличается на их фоне национально-языковым своеобразием, поскольку, во-первых, содержит специфический лексический компонент *Хомку*, во-вторых, имеет особенное устройство структурно-семантической модели (из четырёх формальных вариантов — *Па Саўку <i> шапка* / *Па Сеньку <i> шапка* / *Па Хомку <i> шапка* / *Па Юрку <i> шапка*), в-третьих, включает особый, отсутствующий в других языках формальный вариант (*Па Хомку <i> шапка*), ср.: = рус. *По Сеньке и шапка <a по Ярмолке колпак>* = укр. *По Сеньку шапка* или *По Савци свитка* = лит. *Pagal Jurgi ir kepurė* ‘По Юрке шапка’ [67. С. 245—246].

Белорусская пословица *Шапка на злодзеі гарыць* [57. С. 268] / *На злодзеі <i> шапка гарыць* [58. С. 340] характеризуется национально-языковым своеобразием, поскольку имеет особенную грамматическую организацию — инверсивный порядок слов в одном из формальных вариантов, чем отличается от своих аналогов в других языках, ср.: польск. *Na złodzieju czapka gore* = рус. *На воре <u> шапка горит* = укр. *На злодю шапка горить* = лит. *Vagie, kepurė dega* ‘Вор, шапка горит’ [67. С. 211—212].

Степень национально-языкового своеобразия пословицы зависит от объёма отличительных особенностей языкового оформления её компонентов на фоне аналогичных пословиц в других языках. Характер национально-языкового своеобразия пословицы обусловлен тем или иным набором особенностей языкового оформления компонентов, отличающих её от иноязычных аналогов.

Национально-культурная маркированность пословицы — это такая характеристика, которая свойственна как общим с другими языками, так и уникальным на фоне других языков пословицам данного языка. Основными

признаками национально-культурной маркированности пословицы является наличие у неё фоновой (национально-культурной) семантики — комплекса устойчивых ассоциаций с фактами национальной истории, особенностями материальной и духовной культуры, условий жизни и менталитета данного народа, концептами национальной картины мира. Источниками (маркерами) таких ассоциаций могут быть прототип пословицы, фрагменты её внутренней формы (отдельные понятия и образы, выраженные в лексическом составе пословицы), безэквивалентные лексические компоненты в её составе (в том числе слова-реалии).

Бел. *Голад не дзядзіна <з'ясі і крадзена>* [21. С. 59] — это формальный вариант одной, общей с другими языками пословицы *Голад не цётка* [57. С. 61; 58. С. 136] / *Голад не цётка <з'есць што патрапіць>* [25. С. 274] / *Голад не дзядзіна <з'ясі і крадзена>* [21. С. 59], детерминирующий её национально-языковое своеобразие на фоне иноязычных аналогов, ср.: = рус. *Голод не тётка / Голод не тётка, а брюхо не лукошко / Голод не тётка: калачика не подложит / Голод не тётка (не тётца, не кума): пирога не подсушет* = польск. *Glód nie ciotka / nie brat* = укр. *Голод не тітка / Голод — не тітка, пиріжка не дасть* [67. С. 142]. Пословичный вариант *Голад не дзядзіна <з'ясі і крадзена>* является в высокой степени национально-культурно маркированной единицей, поскольку содержит, во-первых, безэквивалентное слово *дзядзіна* 'жена дяди' [21. С. 59], во-вторых, однословную номинацию *крадзена* специфического понятия 'украденная еда', в-третьих, специфический образ, выраженный сочетанием *з'ясі і крадзена* («совершить любой постыдный поступок»), в-четвёртых, фрагмент национальной картины мира, маркированный сочетанием *з'ясі і крадзена* (вызывает общественное осуждение, покрывает себя позором тот, кто берёт чужое, особенно крадёт еду), как проявление традиционных нравственных норм, отражённых во многих белорусских пословицах (типа *Не руш / Не бяры чужога і не бойся нікога* [21. С. 105—106] и т.п.).

Пословица *Пазнаюць нашу дачку і ў андарачку* не только входит в состав уникальных на фоне других языков единиц пословичного фонда белорусского языка [21. С. 113], но и является национально-культурно маркированной на уровне лексического состава, поскольку содержит слово-реалию *андарак*, которое обозначает «элемент традиционной женской одежды — юбку, сшитую из домотканой шерстяной или полушерстяной ткани в клетку, в продольную или поперечную полоску на вишнёвом, синем, зелёном или чёрном фоне» [21. С. 113].

Степень национально-культурной маркированности пословицы зависит от объёма выраженной в ней фоновой семантики. Характер национально-культурной маркированности пословицы детерминирован, во-первых, тем или иным набором фоновых значений, а во-вторых, её принадлежностью либо к уникальным (на иноязычном фоне), либо к общим с другими языками единицам пословичного фонда данного языка.

Методика выявления языковой и национально-культурной специфичности пословичного фонда

Выявление и описание национально специфичной части пословичного фонда языка целесообразно проводить в несколько этапов на основе отношений строгой последовательности, когда каждый следующий этап основывается на результатах предыдущего. Всего может быть выделено 5 таких этапов.

Рассмотрим содержание этапов на материале белорусских пословиц и их иноязычных аналогов. В частности, проиллюстрируем применение отдельных приёмов выявления языковой и национально-культурной специфичности пословицы несколькими белорусскими пословицами, имеющими доминантный лексический компонент *бяда* ('горе, несчастье').

Этап 1. Отбор фактического материала для исследования — это выбор и систематизация таких единиц, которые составляют наиболее качественно и количественно репрезентативную часть пословичного фонда данного языка. К этим единицам, как показали исследования [81], относятся три группы: корпус пословиц, регулярно употребляемых в литературном языке, паремиологический минимум, основной паремиологический фонд. Следует отметить, что одновременно все три группы пословиц можно выделить не во всех языках (например, для языков, не имеющих письменности, актуален только паремиологический минимум), однако это имеет решающее значение прежде всего для того языка, в котором выявляется национальная специфичность пословичного фонда. Так, все три указанные группы пословиц установлены, соответственно, для английского языка [72; 82. Р. 129—131; 83], русского языка [84; 85. С. 143—169; 56. Р. 21—40], белорусского языка [58; 25. С. 273—284; 56. С. 5—19; 56. Р. 41—84], для немецкого и многих остальных славянских языков установлены литературные пословичные корпуса и паремиологические минимумы. Принято считать, что в паремиологическом минимуме и основном паремиологическом фонде должны быть представлены все основные структурные и семантические особенности пословиц данного языка [85. С. 212—213]. Это является значимым для любых межъязыковых сопоставлений, поскольку в этом случае удельный вес национально специфичных единиц, который установлен на материале минимума и основного фонда пословиц, будет качественно и количественно репрезентировать степень национальной специфичности всего пословичного фонда данного языка.

Ещё одним важным параметром фактического материала, избираемого для межъязыкового сопоставления, является объём единиц, который должен, с одной стороны, покрывать собой всю наиболее качественно репрезентативную часть пословичного фонда данного языка, а с другой стороны, не быть излишне большим для возможности осуществления исследования, поскольку глубина выявления национальной специфичности пословиц прямо обусловлена широтой и разнообразием привлекаемого иноязычного паремиологического материала (для получения объективного результата одна пословица в данном языке должна сопоставляться, как правило, с одним—тремя десятками

близких по структурно-семантической модели пословиц в каждом из минимум десяти языков).

Корпус пословиц современного белорусского литературного языка, определяемый на основе толковых паремиологических словарей [57—59], составляет 1387 единицы. Объём паремиологического минимума белорусского языка (после объединения двух его списков — М.Ю. Котовой [25. С. 273—284] и Е.Е. Иванова [56. С. 5—19]) составляет 583 единицы. Основной паремиологический фонд белорусского языка составляет 456 единиц [56. Р. 41—84]. После объединения этих трёх групп пословиц общий объём фактического материала для исследования национальной специфики пословичного фонда белорусского языка (без повторов и с учётом объединения формальных вариантов одних и тех же пословиц в разных группах и списках) составил 1529 единиц [65. С. 151].

Объём в пределах 1500 (± 100) единиц представляется оптимальным для анализа степени и характера национальной специфичности пословичного фонда языка, поскольку такое количество пословиц, во-первых, не превышает объём ни одной из исходных пословичных групп (корпуса пословиц литературного языка, паремиологического минимума, основного паремиологического фонда), во-вторых, является релевантным для описания в рамках одного исследования, в-третьих, может рассматриваться само по себе достаточно репрезентативным в квантитативном плане при сопоставлении с пословичными фондами других языков.

Этап 2. Дифференциация уникальных и общих с другими языками пословиц предполагает выяснение, есть ли у данной пословицы иноязычные аналоги, для чего в рамках односторонней синхроничной проекции данного языка на другие языки используется приём последовательной аппликации — совмещение структурно-семантической модели данной пословицы поочередно с близкими по ключевым понятиям и образам, а также логической организации структурно-семантическими моделями пословиц других языков.

Широта и объём привлекаемого иноязычного пословичного материала определяются в зависимости от избранной в исследовании глубины выявления национальной специфичности пословиц данного языка (на фоне родственных языков, в пределах определённого языкового ареала, на фоне типологически близких языков, на максимально широком языковом фоне).

В качестве иноязычных источников для поиска аналогов пословиц в других языках целесообразно выбирать наиболее репрезентативные (как по объёму, так и по точности описания) полилингвальные и монолингвальные паремиографические справочники. Поиск иноязычных аналогов и проверка уникальности той или иной пословицы данного языка должны производиться последовательно: сначала в близкородственных языках, потом во всех родственных языках, затем в языках близкого, среднего и дальнего языкового ареала, и только после этого (при наличии такой возможности) в генетически и типологически далёких языках мира. При этом если в процессе обращения к родственным языкам одинаково продуктивно можно и нужно использовать как полилингвальные, так и монолингвальные паремиографические справочники,

то для анализа языков близкого, среднего и дальнего языкового ареала, генетически и типологически далёких языков мира избираются прежде всего полилингвальные справочники, а также те из монолингвальных словарей, в которых приводятся иноязычные параллели пословиц. И в том, и в другом случае для поиска иноязычных аналогов и проверки уникальности пословиц данного языка больше подходят те паремиографические справочники, в которых представлено как наибольшее количество языков, так и наиболее активные пословицы в каждом языке.

При определении аналогов белорусских пословиц на европейском языковом фоне в качестве основных полилингвальных источников выступают все белорусско-иноязычные словари пословиц [86—90], наиболее авторитетные многоязычные словари славянских [25] и европейских пословиц [20; 24], монолингвальные паремиографические справочники с иноязычными параллелями [22]. Для точного установления в пословичном фонде белорусского языка уникальных единиц важно привлечение собраний пословиц близкородственных языков — русского [79] и украинского [91], а также языков ареальных контактов — польского [92], литовского [93], латышского [94]. Таким образом, минимальная и достаточная широта иноязычного пословичного материала, необходимого для объективного выявления межъязыковой общности / уникальности единиц пословичного фонда белорусского языка, включает в себя, во-первых, все современные славянские языки, во-вторых, все языки ареальных контактов (в том числе включая широкий диалектный материал близкородственных и исторически наиболее контактных языков), в-третьих, все современные германские и романские языки, в-четвёртых, основные финно-угорские языки (венгерский, финский, карельский, эстонский и др.), в-пятых, турецкий язык как исторически доминирующий представитель тюркских языков на европейской территории.

Кроме этого необходимо учитывать пословичные фонды неродственных языков тех народов, которые исторически проживали (и/или проживают в настоящее время) на территории распространения языка автохтонного народа и имели с ним тесные культурные контакты. Например, в случае с белорусским языком это пословицы на иврит и на идиш, цыганские пословицы, а также пословицы белорусов-мусульман татарского происхождения, заимствованные из арабского языка.

Методика дифференциации уникальных и общих с другими языками единиц пословичного фонда данного языка включает в себя ряд приёмов синхронического анализа, применяющихся строго последовательно (**шаг за шагом**). Рассмотрим содержание и применения каждого такого приёма на материале одной белорусской пословицы *Адна бяда не ходзіць* [57. С. 26] (а также всех её формальных вариантов).

Шаг 1. Систематизация формальных вариантов пословицы для каждой отобранной для анализа единицы пословичного фонда данного языка, зафиксированных во всех имеющихся национальных паремиографических источниках.

Одна и та же белорусская пословица нередко описывается в различных паремиологических словарях и сборниках в разной форме (т.е. отличается по лексическому составу и грамматической организации), напр.: *Адна бяда не ходзіць* [57. С. 26]; *Бяда адна не ходзіць <другую за сабой водзіць>* [57. С. 43]; *Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе* [58. С. 63]; *Адна бяда не ходзіць <другую за сабою водзіць>* [58. С. 63]; *Бяда адна не ходзіць <за сабою другую водзіць>* [58. С. 63]; *Бяда з бядою ходзіць* [25. С. 274]; *Бяда не ходзіць адна* [25. С. 274] и т.д.

Шаг 2. Реконструкция пословичной структурно-семантической модели для каждой отобранной для анализа единицы пословичного фонда данного языка. Под структурно-семантической моделью пословицы понимается эмпирически верифицируемый идеальный образец формы и содержания данной пословицы, являющийся инвариантом для всех вариантных и факультативных форм её лексико-семантического состава и грамматической организации, а также всех вариантов её общего значения [54]. Такое понимание пословичной модели соответствует общепринятой трактовке лингвистической модели как реального или идеального объекта, с помощью которого имитируются (воспроизводятся) или иллюстрируются (описываются) определённые признаки, характеристики, свойства языковой единицы в упрощённом виде, в схематической форме, но в достаточной степени для репрезентации моделируемых параметров этой единицы [95. С. 304].

Все формальные варианты одной и той же белорусской пословицы (которые зафиксированы в различных паремиографических источниках) могут быть представлены в виде одной её структурно-семантической модели, напр.: *Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе* / *Адна бяда не ходзіць <другую за сабою водзіць>* / *Бяда адна не ходзіць <за сабою другую водзіць>* / *Бяда з бядою ходзіць* / *Бяда не ходзіць адна* и т.д. [67. С. 18]

Шаг 3. Выделение доминантных слов-компонентов в структурно-семантической модели пословицы, что необходимо для поиска аналогов данной пословицы в других языках. Доминантный характер слов-компонентов обусловлен выражением в них таких понятий и образов, которые являются ключевыми, играют главную смыслообразующую роль, лингвокультурно и/или аксиологически мотивированы, занимают центральную позицию в структуре плана содержания пословицы. Часто в составе пословицы такие доминантные слова-компоненты образуют устойчивые парные комбинации, повторяющиеся в других пословицах как данного языка, так и других языков — „пословичные биномы“ [96].

В структурно-семантической модели анализируемой белорусской пословицы можно выделить несколько повторяющихся в разных сочетаниях доминантных слов-компонентов, напр.: *Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе* / *Адна бяда не ходзіць <другую за сабою водзіць>* / *Бяда адна не ходзіць <за сабою другую водзіць>* / *Бяда з бядою ходзіць* / *Бяда не ходзіць адна*. Данные доминантные слова-компоненты образуют ряд пословичных биномов, напр.: „бяда — ідзе“; „бяда — вядзе (іншую бяду)“; „адна (бяда) — другая (бяда)“; „адна (бяда) — не адна (бяда)“.

Наличие в составе структурно-семантической модели пословицы одного или нескольких пословичных биномов существенно облегчает поиск аналогов данной пословицы в других языках.

Шаг 4. Поиск иноязычных пословичных аналогов при помощи выделенных в структурно-семантической модели анализируемой пословицы доминантных слов-компонентов (в том числе пословичных биномов) среди тех пословиц в других языках, в составе которых встречаются аналогичные слова-компоненты (в том числе аналогичные пословичные биномы). При этом доминантные слова-компоненты (в том числе пословичные биномы) могут использоваться при поиске иноязычных пословичных аналогов в переводе на третий язык (как критерий межъязыкового сравнения), прежде всего английский. Обращается внимание, в первую очередь, на те межъязыковые пословичные соответствия, которые зафиксированы в полилингвальных сопоставительных и переводных словарях пословиц. Выделяются прежде всего те иноязычные аналоги, которые максимально близки данной пословице по логико-семантической и семантико-грамматической организации.

При помощи выделенных в анализируемой белорусской пословице доминантных слов-компонентов и пословичных биномов легко обнаружить в самых разных языках пословицы, в которых используются аналогичные доминантные слова-компоненты (пословичные биномы), напр.: болг. *Една беда води друга* ‘Одна беда ведёт за собой другую’ [20. Р. 59]; латыш. *Viena bēda ne bēda* ‘Одна беда — не беда’ [61. Р. 157]; лит. *Bėda neina medžiais, bet žmonėmis* ‘Беда не идёт в лес, а к людям’ [61. Р. 155]; нем. *Das Unglück geht auf der Erde herum, besucht aber nur die Menschen* ‘Беда идёт по всей земле, но посещает только людей’ [61. Р. 155]; польск. *Bieda nigdy jedna nie przychodzi* ‘Беда никогда одна не приходит’ [67. С. 18]; *Bieda nie po lesie, lecz po ludziach chodzi* ‘Бяда не па лесе, па людзях ходзіць’ [92. I. S. 22]; рус. *Одна беда не ходит* <всегда другую водит> [79. С. 41]; *Пойдѣт (Придѣт, повадится) беда, растворяй (отворяй) ворота* [79. С. 41]; укр. *Іде біда, відчиняй ворота* [67. С. 176] и т.п.

Однако само по себе наличие в пословицах разных языках аналогичных доминантных слов-компонентов и пословичных биномов ещё не является достаточным признаком аналогичности самих пословиц как целостных знаков (т.е. их аналогичности по структурно-семантической модели). Для того, чтобы выделить из множества иноязычных пословиц с аналогичными доминантными словами-компонентами (или пословичными биномами) те, которые аналогичны анализируемой пословице данного языка по структурно-семантической модели, используется приём межъязыковой пословичной аппликации.

Шаг 5. Межъязыковая структурно-семантическая аппликация (при односторонней синхроничной проекции данного языка на другие языки) анализируемой пословицы на близкие по ключевым понятиям и образам, а также логико-семантической и семантико-грамматической организации иноязычные пословицы с целью установления наличия vs. отсутствия среди них

аналогичных по структурно-семантической модели единиц. При необходимости в рабочих целях может быть создана обобщённая структурно-семантическая модель, выполняющая в процессе межъязыковой пословичной аппликации роль третьего члена сравнения (как правило, на английском языке).

На основе межъязыковой структурно-семантической аппликации можно установить иноязычные аналоги белорусской пословицы о беде, которая одна не ходит (см. следующий рисунок).

Межъязыковая структурно-семантическая аппликация пословицы данного языка на аналогичные ей по доминантным словам-компонентам и пословичным бинамам пословицы в других языках

Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе

или

Адна бяда не ходзіць <другую за сабою водзіць>

или

Бяда адна не ходзіць <за сабою другую водзіць>

или

Бяда з бядою ходзіць

или

Бяда не ходзіць адна

„Несчастье редко приходит / никогда не приходит одно“
(‘Misfortunes seldom / never come alone’)

или

„Одно несчастье идет за другими / приводит другое“
(‘One misfortune follows / leads the other’)

Болгарский язык:

Нещастие то никога ни едва само ‘Несчастье никогда одно не ходит’

Една беда води друга ‘Одна беда приводит другую’

Польский язык:

Nieszczęście nigdy samo nie chodzi ‘Несчастье никогда одно не ходит’

Bieda nigdy sama jedna nie przychodzi ‘Беда никогда одна не приходит’

Русский язык:

Одна беда не ходит <всегда другую водит>

Словацкий язык:

Jedna bieda nechodí sama ‘Одна беда не ходит одна’

Nešťastie samo nechodí ‘Несчастье одно не ходит’

Словенский язык:

Nesreča pride redko sama ‘Несчастье редко приходит одно’

Украинский язык:

Біда ніколи не ходить одна

Чешский язык:

Neštěstí nikdy nechodí samo ‘Несчастье нигде не ходит одно’

Латышский язык:

Nelaime nekad nenāk viena ‘Несчастье никогда не приходит одно’

Литовский язык:

Viena bėda nevaikščioja ‘Одна беда не приходит’

Английский язык:

Misfortunes / Troubles never / seldom come alone / singly ‘Несчастья / Неприятности никогда / редко приходят в одиночку / в одиночестве’
Troubles never come alone / singly ‘Неприятности никогда не приходят в одиночку / в одиночестве’

Немецкий язык:

Ein Unglück zieht das andere nach sich ‘Одно несчастье приводит другое’

Ein Unglück kommt selten allein ‘Несчастье редко приходит в одиночку’

Испанский язык:

Un mal no / nunca viene solo ‘Плохое не ходит одно / никогда не приходит одно’

Французский язык:

Un malheur ne vient / n'arrive jamais seul ‘Несчастье не приходит / не случается никогда одно’

Венгерский язык:

A baj / szeréncsétlenség ném / ritkán jár egyedül ‘Проблемы / Несчастья не ходят в одиночку / редко ходят в одиночку’

При этом в иноязычных пословицах доминантное слово-компонент (в том числе в составе пословичного биннома) может замещаться синонимичным или гипо-гиперонимичным доминантным словом-компонентом, что даёт основания для квалификации такого рода иноязычной пословицы как аналогичной по структурно-семантической модели анализируемой пословице данного языка.

Иноязычными аналогами белорусской пословицы о беде, которая одна не приходит, можно считать пословицы с иным (гипонимичным) доминантным словом-компонентом, напр.: ит. *Un malanno non vien mai solo* ‘Болезнь никогда не приходит одна’ [20. Р. 61]; фин. *Onnettomuus ei tule yksin* ‘Беда не приходит одна’ [20. Р. 60] и т.п.

Как правило, не рассматриваются (не включаются в рамки исследования для повышения степени его объективности) те иноязычные пословицы, которые содержат аналогичные доминантные слова-компоненты, однако обнаруживают признаки иного плана содержания (на основе иной внутренней формы) и/или имеют существенно иную логико-грамматическую организацию, что указывает на наличие у них иной структурно-семантической модели, не аналогичной анализируемой пословице данного языка.

Следующие иноязычные пословицы являются не аналогами белорусской пословицы о „беде, которая ведёт за собой другую беду“, а её межъязыковыми эквивалентами (имеют тот же общий смысл и ряд общих доминантных слов-компонентов, но иную структурно-семантическую модель), ср.: рус. *Придёт беда — отворяй ворота* [79. С. 42]; *Пойдёт (Поведится) беда, расстворяй (отворяй) ворота* [79. С. 41] = укр. *Іде біда, відчиняй ворота / Як*

прийде біда, відчиняй ворота [67. С. 176]. Или также пословицы, которые нельзя рассматривать и в качестве эквивалентов (имеют иной общий смысл), ср.: лит. *Viena bėda — ne bėda* ‘Одна беда — не беда’ [61. Р. 157] = нем. *Ein Unglück, kein Unglück* ‘Одно несчастье — не несчастье’ [61. Р. 157] = польск. *Jedna bieda, to nie bieda* ‘Одна беда, это не беда’ [92. I. S. 80] = рус. *Одна беда — не беда* <, только б больше не пришло> [79. С. 41] = укр. *Одна біда — не біда* [67. С. 113] и т.п.

Также для обеспечения необходимой репрезентативности и верификации пословичного материала других языков исключаются из рассмотрения те иноязычные пословицы, которые имеют полностью утраченную мотивировку своего плана содержания, что затрудняет адекватную реконструкцию их структурно-семантической модели (в том числе с использованием английского языка — в метаязыковой функции — в качестве третьего члена межъязыкового сопоставления).

Шаг 6. Составление списка иноязычных аналогов пословицы данного языка, идентифицированных по единой структурно-семантической модели.

Одновременно происходит корректировка формальных вариантов той пословицы, которая анализируется в данном языке, на основании её аналогов в других языках. В ряде случаев иноязычные пословицы содержат необходимые доминантные слова-компоненты и/или пословичные биномы, однако не имеют своего полного аналога по структурно-семантической модели в данном языке, что является основанием для дополнительного анализа пословичного фонда данного языка для установления в нём новых формальных вариантов той пословицы, которая анализируется.

Фиксация в украинском языке пословицы *Біда біду родить* [67. С. 18] обусловило поиск и квалификацию в белорусском языке *Бяда бяду родзіць* не как отдельной пословицы (вопреки ряду паремнографических источников [25. С. 274]), а в качестве ещё одного формального варианта пословицы *Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе* / *Адна бяда не ходзіць* <другую за сабою водзіць> / *Бяда адна не ходзіць* <за сабою другую водзіць> / *Бяда з бядою ходзіць* / *Бяда не ходзіць адна* (весьма близкой к такому её формальному варианту, как *Бяда з бядою ходзіць*). В свою очередь, фиксация в русском языке пословиц *Беда едет, беду везёт, а третья погоняет* [79. С. 39] и *Беда на беде едет, бедой погоняет* [79. С. 39] дало основание для поиска и верификации в белорусском языке ещё двух формальных вариантов белорусской пословицы: *Бяда ідзе і бяду вядзе* и *Бяда па бядзе як па нітачцы ідзе* (вопреки ряду паремнографических источников [25. С. 274; 97. С. 77]).

Таким образом, с учётом всех формальных вариантов белорусской пословицы о беде, которая не ходит в одиночку, список её иноязычных аналогов, идентифицированных по структурно-семантической модели, может выглядеть следующим образом.

Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе / *Адна бяда не ходзіць* <другую за сабою водзіць> / *Бяда адна не ходзіць* <за сабою другую водзіць> [57. С. 26, 43; 58. С. 63] / *Бяда бяду родзіць* / *Бяда з бядою ходзіць* / *Бяда ідзе і бяду*

вядзе / Бяда не ходзіць адна [25. С. 274] / Бяда па бядзе як па нітачцы ідзе [97. С. 77] = болг. *Нещастиемто никога ни едва само* ‘Несчастье никогда одно не ходит’ / *Една беда води друга* ‘Одна беда приводит другую’ = польск. *Nieszczęście nigdy samo nie chodzi* ‘Несчастье никогда одно не ходит’ / *Bieda nigdy sama jedna nie przychodzi* ‘Беда никогда одна не приходит’ = рус. *Одна беда не ходит <: всегда другую водит>* / *Беда беду родит* / *Беда на беде едет, бедой погоняет* / *Беда едет, беду везёт, а третья погоняет* = слов. *Jedna bieda nechodí sama* ‘Одна беда не ходит одна’ / *Nešťastie samo nechodí* ‘Несчастье одно не ходит’ = словен. *Nesreča pride redko sama* ‘Несчастье редко приходит одно’ = укр. *Біда ніколи не ходить одна* / *Біда біду родить* = чеш. *Neštěstí nikdy nechodí samo* ‘Несчастье нигде не ходит одно’ = латышш. *Nelaimē nekad nenāk viena* ‘Несчастье никогда не приходит одно’ = лит. *Viena bėda nevaikščioja* ‘Одна беда не приходит’ = англ. *Misfortunes / Hardships / Troubles never / seldom come alone / single / singly* ‘Несчастье / Невзгоды / Неприятности никогда / редко приходят в одиночку / одно’ / *One misfortune is the eve of another one* ‘Одно несчастье перед другим’ / *Troubles never come alone* ‘Неприятности никогда не приходят одни’ / *Troubles never come singly* ‘Неприятности никогда не приходят в одиночку’ = нем. *Ein Unglück zieht das andere nach sich* ‘Одно несчастье приводит другое’; *Ein Unglück kommt selten allein* ‘Несчастье редко приходит в одиночку’ = исп. *Un mal no / nunca viene solo* ‘Плохое не ходит одно / никогда не приходит одно’ = ит. *Un malanno non vien mai solo* ‘Болезнь никогда не приходит одна’ = фр. *Un malheur ne vient / n'arrive jamais seul* ‘Несчастье не приходит / не случается никогда одно’ = венг. *A baj / széréncsétlenség ném / ritkán jár egyedül* ‘Проблемы / Несчастья не ходят в одиночку / редко ходят в одиночку’ = фин. *Onnettomuus ei tule yksin* ‘Беда не приходит одна’ = тур. *Bela bela getirir* ‘Кнут приносит кнут’ / *Dert derdi açar* ‘Беспокойство вызывает беспокойство’ и др.

Здесь для белорусской пословицы о беде, которая не ходит в одиночку, указаны далеко не все её иноязычные аналоги, полный их список можно найти в известных полилингвальных паремиологических словарях [20. Р. 59—62; 67. С. 18—19].

Список иноязычных аналогов пословицы данного языка всегда остаётся открытым, поскольку квантитативно и квалитативно детерминирован прежде всего экстралингвистическими факторами (зависит от количества языков, избранных для анализа, а также от качества паремиографического описания каждого из них). Однако использование всей доступной полноты поиска и идентификации иноязычных аналогов даёт основания для установления характера общности пословицы данного языка с пословицами других языков.

Шаг 7. Определение характера общности пословицы с аналогичными пословицами других языков, которое осуществляется на основе наличия vs. отсутствия генетической связи и/или языковых контактов с теми языками, в которых обнаружены аналоги данной пословицы. Если пословицы одной и той же структурно-семантической модели зафиксированы в языках, отношения между которыми имеют характер языкового родства или языковых контактов,

то такие пословицы можно квалифицировать как „интернациональные“ (термин в этом случае означает не только заимствованный одновременно или последовательно из одного языка в целый ряд языков, но и общий для ряда родственных языков как наследие в каждом одного общего для них языка-предка и/или результат исторических заимствований между ними). В свою очередь, если пословицы одной и той же структурно-семантической модели зафиксированы в языках, которые не являются родственными и никогда не имели языковых контактов, то такие пословицы целесообразно квалифицировать как „универсальные“ (данное понятие в этом случае имеет типологическую значимость, однако по понятным причинам не может рассматриваться в качестве термина лингвистической универсалии).

Следует отметить, что универсальные единицы — достаточно редкое явление в пословичном фонде любого языка, поскольку их определение прямо и непосредственно зависит от количественного и качественного разнообразия иноязычного материала, который избирается для аппликационного анализа. Если в рамках этого материала той или иной пословице данного языка находится хотя бы одна аналогичная по структурно-семантической модели единица в пословичном фонде того языка, который не является родственным данному языку и не имеет с ним прямых контактов, то такую пословицу можно квалифицировать как универсальную.

Белорусскую пословицу *Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе / Адна бяда не ходзіць <другую за сабою водзіць> / Бяда адна не ходзіць <за сабою другую водзіць> / Бяда бяду родзіць / Бяда з бядою ходзіць / Бяда ідзе і бяду вядзе / Бяда не ходзіць адна / Бяда па бядзе як па нітачцы ідзе* можно квалифицировать как универсальную на основании наличия её аналогов в тех языках, которые не имеют генетической связи с белорусским языком и никогда не имели с ним прямых языковых контактов (в венгерском, турецком, финском языках).

подавляющее большинство пословиц, которые имеют аналоги в других языках, относятся к интернациональным (в указанном выше понимании), на что неоднократно обращали внимание паремологи, говоря о превалировании в пословичных фондах европейских языков интернациональных пословиц [30. S. 2].

Белорусская пословица *Адна бяда — не бяда* [58. С. 63] является интернациональной, поскольку фиксируется как в родственных языках, так и в языках ареальных контактов, ср.: = польск. *Jedna bieda, to nie bieda* ‘Адна бяда, то не бяда’ = рус. *Одна беда — не беда* <, только б больше не пришло> = укр. *Одна біда — не біда* = латыш. *Viena bēda ne bēda* ‘Адна бяда — не бяда’ = лит. *Viena bėda — ne bėda* ‘Адна бяда — не бяда’ = нем. *Ein Unglück, kein Unglück* ‘Адно няшчасце — не няшчасце’ [67. С. 113].

Формальным показателем универсального / интернационального статуса пословицы является возможность объединения структурно-семантических моделей всех её аналогов во всех языках в одну общую структурно-семантическую модель, в которой находят своё место все особенности её национальных вариантов.

Белорусская пословица *Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе / Адна бяда не ходзіць <другую за сабою водзіць> / Бяда адна не ходзіць <за сабою другую водзіць> / Бяда бяду родзіць / Бяда з бядою ходзіць / Бяда ідзе і бяду вядзе / Бяда не ходзіць адна / Бяда па бядзе як па нітачцы ідзе* и все её известные аналоги в европейских и неевропейских языках имеют одну общую структурно-семантическую модель, состоящую всего из трёх основных межъязыковых вариантов, ср.: *Misfortunes seldom / never come alone* (v1); *One misfortune follows / leads the other* (v2); *From one misfortune many / another follow(s)* (v3) [20. P. 59].

Шаг 8. Верификация уникального характера пословицы данного языка, что возможно лишь после осуществления целенаправленного поиска пословичных аналогов в других языках на основе односторонней синхроничной проекции с помощью приёма межъязыковой структурно-семантической аппликации (как описано выше, см. Шаг 4 и Шаг 5).

Если выясняется, что структурно-семантическая модель пословицы в данном языке не соответствует (не аналогична) ни одной из структурно-семантических моделей иноязычных пословиц, имеющих в своём составе аналогичные доминантные слова-компоненты (или пословичные биномы), то можно утверждать, что эта пословица является уникальной, не имеет аналогов в других языках (в пределах исследованных языков и избранного для анализа иноязычного пословичного материала).

Следующие белорусские пословицы с доминантным лексическим компонентом *бяда* являются уникальными (не имеют аналогичных по структурно-семантической модели пословиц в современных славянских, балтийских, германских, романских языках, а также некоторых финно-угорских языках (венгерском, карельском, финском, эстонском), ср.: *Не людзі выбіраюць бяду — бяда людзей выбірае* [58. С. 375]; *Ніхто не чуе, дзе бяда начуе* [58. С. 398]; *Свайёй бяды нікому не кажы* [58. С. 468]; *Бяда (няшчасце) людзей лучыць* [58. С. 410]. Разумеется, привлечение для анализа пословиц иных языков может дать основание для исключения той или иной пословицы из данного списка, который приводится здесь лишь в качестве иллюстрации межъязыковой пословичной уникальности.

Этап 3. Установление национально-языкового своеобразия единиц пословичного фонда осуществляется путём последовательной межъязыковой аппликации (в рамках односторонней синхронической проекции) основных элементов языкового оформления (формальных вариантов, отдельных лексических компонентов, характера грамматической организации) структурно-семантической модели пословицы данного языка на соответствующие элементы языкового оформления структурно-семантических моделей аналогичных ей иноязычных пословиц, установленных по результатам второго этапа. Наличие хотя бы одного специфического из перечисленных выше элементов языкового оформления пословицы определяет её национально-языковое своеобразие на фоне иноязычных аналогов (это может быть уникальный формальный вариант, особенный лексический / фразеологический компонент, неповторимый характер грамматической структуры фразы).

Один из формальных вариантов белорусской пословицы *Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе / Адна бяда не ходзіць <другую за сабою водзіць> / Бяда адна не ходзіць <за сабою другую водзіць> / Бяда бяду родзіць / Бяда з бядою ходзіць / Бяда ідзе і бяду вядзе / Бяда не ходзіць адна / Бяда па бядзе як па нітачцы ідзе*, которая является универсальной, не фиксируется ни в одном из иноязычных аналогов. Это формальный вариант *Бяда па бядзе як па нітачцы ідзе*, благодаря которому белорусская пословица приобретает национально-языковое своеобразие на фоне иных национальных вариантов универсальной пословицы. Данный формальный вариант белорусской пословицы имеет особенный лексический состав (используется сравнительный оборот *як па нітачцы*, которого нет ни в одном из иноязычных пословичных аналогов), неповторимую грамматическую организацию фразы (“Subject — Object — Verb”, где Object имеет форму Instrumentalis с предлогом — *па бядзе*, которая употребляется в значении Genitivus — *насля бяды*). Всё это в совокупности образует уникальный, реализуемый только в белорусском языке, четвёртый вариант (*Misfortune after misfortune comes* ‘Несчастье после несчастья’) структурно-семантической модели данной универсальной пословицы, у которой до сих пор было зафиксировано только три варианта, ср. : *Misfortunes seldom / never come alone* (v1); *One misfortune follows / leads the other* (v2); *From one misfortune many / another follow(s)* (v3) [20. P. 59].

Этап 4. Определение национальной-культурной маркированности пословицы осуществляется при помощи этнолингвокультурологического анализа, в результате которого в её плане содержания выявляется фоновая (национально-культурная) семантика, выражаемая данной пословицей как целиком (в виде целостного знака), так и отдельными элементами.

Национально-культурная маркированность пословицы обусловлена наличием хотя бы одного из следующих элементов: 1) национально-культурно детерминированный пословичный прототип (отражение в нём фактов истории, культуры, условий жизни, мировоззрения данного народа); 2) безэквивалентное слово-компонент (обозначающее такое понятие, которое не имеет односложной номинации в других языках); 3) слово-реалия (название такого факта истории, материальной или духовной культуры данного народа, которого нет у других народов); 4) национально-специфическое понятие (выраженное в лексическом компоненте пословицы безобразное представление о чём-либо как фрагмент национальной картины мира); 5) национально специфический образ (отражение в лексическом составе пословицы образного представления о чём-либо как фрагмента национальной картины мира).

Национально-культурная маркированность свойственна прежде всего уникальным на фоне других языков пословицам и определяется на фоне нейтральных, лишённых фоновой семантики фраз-аналогов, синонимичных данной пословице [98].

Уникальная белорусская пословица *Ніхто не чуе, дзе бяда начуе* [58. С. 398] содержит образ-олицетворение „беды“, которая „где-то ночует“ (*дзе бяда начуе*), в сочетании с метафорическим его восприятием человеком, который „не

слышит беду“ (*ніхто не чуе*), что создаёт экспрессивную окраску пословичного смысла. Использованный в пословице образ *бяда начуе* („беда ночует“), где местом локализации беды является ночь, имеет глубокие корни в национальной картине мира белорусов, восходящие к общеславянской мифологии, в которой *бяда* и *ночь* отождествляется с враждебной частью окружающей действительности — Хаосом, где преобладают злые силы (в отличие от Космоса как освоенной части мира, которую воплощает *счастье* и *день*). Ср. синонимичную данной пословице безобразную фразу, у которой отсутствует фоновая (национально-культурная) семантика — *Ніхто не ведае, адкуль бяда прыйдзе*.

Национальная культура находит своё отражение не только в уникальных пословицах, но и в общих с другими языками — интернациональных или универсальных. Если в интернациональных пословицах фоновая (национально-культурная) семантика возникает как результат их этнолингвокультурной ассимиляции (как, например, ассимилировала в славянских этнокультурах итальянская пословица *Chi lingua ha a Roma va* ‘Кто имеет язык, будет в Риме’, ср.: = бел. *Язык Вільні данытае* = польск. *Język i do Krakowa doprowadzi* = рус. *Язык до Киева доведёт* = укр. *Язык і до Кия доведе* [67. С. 303—304]), то в универсальных пословицах отражение фактов национальной культуры обусловлено приоритетом этнонациональной картины мира в восприятии и осмыслении окружающей действительности сквозь призму общечеловечески значимых понятий и категорий.

Формальный вариант *Бяда па бядзе як па нітаццы ідзе* универсальной пословицы в белорусском языке *Адна бяда не ідзе, другую за сабой вядзе / Адна бяда не ходзіць <другую за сабою водзіць> / Бяда адна не ходзіць <за сабою другую водзіць> / Бяда бяду родзіць / Бяда з бядою ходзіць / Бяда ідзе і бяду вядзе / Бяда не ходзіць адна / Бяда па бядзе як па нітаццы ідзе* не фиксируется ни в одном из её иноязычных аналогов [67. С. 18—19]. Благодаря этому формальному варианту белорусская пословица приобретает национально-культурную маркированность, поскольку в нём использован национально-специфический образ „находить по ниточке (кого-, что-либо)“, отражённый в сравнительном обороте *як па нітаццы ісці*, который не зафиксирован ни в одном из иноязычных вариантов универсальной пословицы, хотя имеет аналоги в разных языках (ср.: рус. *ходить по ниточке / по нитке* у кого ‘устар. экспрес. Беспрекословно подчиняться кому-либо, испытывая чувство зависимости, страха’ [99. С. 727]). В белорусской пословице сравнительный оборот *як па нітаццы ідзе* только внешне, по форме соответствует русскому обороту *ходить по ниточке*, однако имеет совершенно другое значение и иную образность, поскольку использован в составе пословицы с заменой глагольного компонента (*ідзе* вместо *знаходзіць*), что обусловлено пословичной рифмой и ритмикой. В своей исходной форме белорусский сравнительный оборот имеет вид *як па нітаццы знаходзіць* (ср. белорусскую пословицу *Па нітаццы і клубок знойдзеш*), поэтому прототип пословицы звучит как *Бяда па бядзе ідзе, як па нітаццы знаходзіць* (будучи образован от пословицы *Бяда па*

бядзе ідзе). Актуализация в белорусской поговорке о беде, которая идёт за бедой, образа „ниточки“, по которой одна „беда“ за другой находит человека, обусловлена исторически сложившимся в белорусском народе традиционном восприятии жизни как бесконечной череды социальных бедствий, которые как будто целенаправленно преследуют каждого белоруса, не давая ему возможности нигде от них укрыться (каждое следующее бедствие находит его по следам предыдущего, откуда и появляется образ „беды, которая если придёт к кому-нибудь однажды, то за ней последуют другие беды, как по нитке из клубка, который распутала первая беда, указывая остальным бедам верную дорогу к этому человеку“).

Этап 5. Выявление объёма и характера национальной специфичности пословичного фонда языка На пятом этапе путём количественного анализа устанавливается удельный вес специфических / общих с другими языками пословиц (а внутри последних — интернациональных и универсальных единиц), объём в каждой группе национально-специфических и нейтральных единиц (в том числе в пределах национально-специфических — количество национально-языковых своеобразных и национально-культурно маркированных пословиц).

В результате суммирования удельного веса, во-первых, уникальных (на фоне других языков) единиц, а во-вторых, имеющих национально-языковое своеобразие и/или национально-культурную маркированность (на фоне нейтральных в этом плане) интернациональных и универсальных единиц определяется объём национальной специфичности пословичного фонда языка.

В результате сравнения удельного веса уникальных и общих с другими языками пословиц, а в их составе нейтральных и имеющих национальную специфичность (национально-языковое своеобразие и/или национально-культурную маркированность) единиц определяется характер национальной специфичности пословичного фонда языка.

Если количественные подсчёты производить отдельно в рамках трёх групп пословиц (пословичного корпуса литературного языка, основного паремиологического фонда, паремиологического минимума), то соотношение удельного веса уникальных и общих с другими языками, а также нейтральных и имеющих национальную специфичность единиц, характерного для каждой из этих трёх групп пословиц, позволяет выявить историческую динамику и установить лингвостилистическую детерминированность объёма и характера национальной специфичности пословичного фонда данного языка.

Заключение

Национальная специфичность пословичного фонда языка обусловлена уникальными (на фоне других языков) единицами, которые непосредственно отражают историю, культуру и мировоззрение данного народа, однако количественно и качественно ограничена единицами, общими с другими языками. Степень национальной специфичности пословичного фонда любого языка

зависит от соотношения не только уникальных и общих с другими языками единиц, но и национальной специфичности и нейтральности отдельных элементов их формы и/или содержания.

Основными методологическими понятиями описания межъязыковой специфичности / общности пословиц являются «национальная специфичность пословичного фонда языка», «уникальная пословица», «интернациональная пословица», «универсальная пословица», «национальная специфичность пословицы», «национально-языковое своеобразие пословицы», «национально-культурная маркированность пословицы». При дифференциации общих с другими языками и специфических единиц пословичного фонда языка наиболее объективным является синхронический анализ на основе структурно-семантического моделирования пословиц. Методика описания национальной специфичности пословичного фонда включает принципы и приёмы отбора наиболее репрезентативных единиц для анализа, определения межъязыковой специфичности / общности пословиц, установления их национально-языковой и национально-культурной специфики, выявления степени и характера национальной окрашенности пословиц данного языка.

Апробация разработанной методики на материале белорусского языка (на фоне европейских языков) показала, что объём и характер национальной специфичности единиц пословичного фонда объективно выявляются только в сопоставительном плане и наиболее репрезентативно представлены только в наиболее активных пословицах устной и письменной речи (пословичном корпусе литературного языка, основном паремиологическом фонде, паремиологическом минимуме). Национальная специфичность пословичного фонда качественно и количественно обусловлена не уникальными на фоне других языков пословицами, а национально-языковым своеобразием и/или национально-культурной маркированностью общих с другими языками (интернациональных и универсальных) пословиц.

Перспективным для дальнейшего изучения является эмпирическая верификация разработанных методологических оснований установления и описания национальной специфичности пословичного фонда на материале языков разных языковых семей, что позволит не только уточнить принципы и приёмы языковой и лингвокультурной типологии пословиц, но и выявить лингвистические и экстралингвистические факторы формирования и развития паремиологической подсистемы устойчивых единиц языка и отражения в ней фрагментов национальной картины мира.

Библиографический список

1. Мокшанов В.М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 6—20.
2. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009.
3. Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015.
4. Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020.

5. *Савенкова Л.Б.* Русская паремиялогия: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2002.
6. *Лепешаў І.Я.* Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства: вучэбны дапаможнік. Гродна: ГрДУ, 2006.
7. *Колоіз Ж.В., Малюга Н.М., Шарманова Н.М.* Українська пареміологія: навчальний посібник. Кривий Ріг: КНУ, 2014.
8. *Котова М.Ю.* Очерки по славянской паремиилогии. СПб: СПбГУ, 2003.
9. *Бредис М.А., Иванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю., Петрушевская Ю.А.* Паремиялогия на перекрестках языков и культур. М.: Изд-во РУДН, 2021.
10. Даниленко Л.І. Чеська пареміологія в генетичному, лінгвокогнітивному і дискурсивному висвітленні. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2019.
11. *Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В.* Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 265—284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284
12. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34—43.
13. *Иванов Е.Е.* Афоризм как единица языка (к истории и теории понятия) // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: в 2 т. / отв. ред. И.М. Кобозева. М.: Филология, 1995. Т. 1. С. 192—193.
14. *Иванов Е.Е.* Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 381—401. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401
15. *Иванов Е.Е.* О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157—170. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170
16. *Иванов Е.Е.* Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 659—706. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706
17. *Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма. Могилёв: МГУ, 2016.
18. *Иваноў Я.Я.* Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў: МДУ, 2017.
19. *Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1988.
20. *Paczolay G.* European Proverbs in 55 Languages, with Equivalentents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997.
21. *Иванова С., Иваноў Я.* Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997.
22. *Wander K.F.W.* Deutsches Sprichwörter-Lexikon: Bd. I—V. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1867—1880. DSL.
23. *Ivanov E., Petrushevskaja Ju.* Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2015. Vol. 8. № 5. Pp. 864—872.
24. *Strauss E.* Dictionary of European Proverbs: Vol. 1—3. London & New York: Routledge, 1994.
25. *Котова М.Ю.* Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб: Изд-во СПбГУ, 2000.
26. *Мокиенко В.М., Николаева Е.К.* Русские пословицы и поговорки и нерусская картина мира // Русский язык на рубеже тысячелетий: в 3 т. СПб: Изд-во СПбГУ, 2001. Т. 1. С. 112—122.
27. *Мокиенко В.М., Николаева Е.К.* Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 3. Frazologia / red. W. Mokijenko, H. Walter. Opole: Wyd-wo UO, 2008. С. 149—163.
28. *Петрушевская Ю.А.* Интернациональные, заимствованные и исконно языковые единицы в составе паремиялогического фонда современного белорусского языка // Вестник

- Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 77. С. 123—126.
29. Петрушэўская Ю.А. Універсальны, інтэрнацыянальны і нацыянальны кампаненты парэміялагічнага фонду сучаснай беларускай літаратурнай мовы (на матэрыяле публіцыстычных тэкстаў) // Філолагічны студыі. 2017. Вып. 16. С. 195—201.
30. Nationales und Internationales in der slawischen Praseologie = Национальное и интернациональное в славянской фразеологии / Hrsg. H. Walter, V.M. Mokienko. Greifswald: E.M.A.-Universität, 2013.
31. Мокиенко В.М. Лингвокультурологическая паремиология в европейской ретроспективе // Перспективные направления современной лингвистики / под ред. В.В. Воробьева, Д.С. Скарёва, М.Л. Новиковой. М.: РУДН, 2020. С. 42—53.
32. Мокиенко В.М. Национальное и интернациональное в славянской паремиологии // Глобализация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 кн. / отв. ред. Г.П. Нецименко. М.: Наука, 2006. Кн. 1. С. 219—248.
33. Петрушевская Ю.А. Универсальное и национальное в паремиологической системе языка (на материале английского и белорусского языков) // Acta Germano-Slavica. 2015. Вып. 6. С. 213—216.
34. Мокиенко В.М. Национальное и интернациональное в русской паремиологии // Пересекающая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте. М.: ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2018. С. 202—205.
35. Бредис М.А. Национальное и интернациональное в паремиях: пословица *Работа не волк, в лес не убежит* и её аналоги в разных языках // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5(71). № 1. С. 143—160.
36. Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. 2020. № 60. С. 198—212. DOI: 10.17223/18572685/60/12
37. Бредис М.А., Ломакина О.В. Пограничные территории как пример культурно-языкового трансфера (на материале латгальской и русинской паремиологии) // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 28—38.
38. Lotakina O.V. Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. 2021. Vol. 17. № 2. P. 125—135.
39. Бредис М.А. Отражение ценностных ориентиров в паремиологии (на материале пословиц русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков о дружбе и деньгах) // Вестник Новгородского государственного университета. 2014. № 77. С. 102—104.
40. Ничипорчик Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель: ГГУ, 2015.
41. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303—317. DOI: 10.17223/18572685/54/18
42. Нелюбова Н.Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 323—335. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335
43. Нелюбова Н.Ю., Хильтбруннер В.И., Еришов В.И. Отражение иерархии ценностей в словичном фонде русского и французского языков // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 1. С. 223—243. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243
44. Нелюбова Н.Ю. Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской словичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 6. С. 50—59.
45. Нелюбова Н.Ю., Сёмина П.С., Казлаускене В. Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок) // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 969—990. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990

46. *Бредис М.А.* Соотношение понятий «богатство» и «ум» в паремиологической картине мира разных лингвокультур (на материале русского, латышского, литовского и немецкого языков) // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Серия: Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015. № 2. С. 54—59.
47. *Бредис М.А.* *Бережливость и скупость* в паремиях (на материале русского, латышского, немецкого, английского и таджикского языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 1. С. 131—138.
48. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119—128.
49. *Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // *Slavica Tartuensia*. 2018. Т. XI. С. 103—128.
50. *Бредис М.А.* *Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только*. СПб: Петербургское Востоковедение, 2019.
51. *Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.* Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 202—212.
52. *Гутовская М.С.* Этноспецифичность фразеологической картины мира и факторы, ее порождающие // *Веснік БДУ*. Серыя 4. 2014. № 2. С. 48—53.
53. *Петрушэўская Ю.А.* Вывучэнне нацыянальна-культурнага кампанента ў парэміялагічным фондзе беларускай мовы // Труды БГТУ. Серия 4. 2019. № 1 (217). С. 123—129.
54. *Іваноў Я.Я., Петрушэўская Ю.А.* Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // *Весці БДПУ*. 2021. № 3. С. 104—110.
55. *Іванов Е.Е., Ломакина О.В., Нелюбова Н.Ю.* Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 232—248. DOI: 10.25178/nit.2021.3.17
56. *Ivanov E.* *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS, 2002.
57. *Шкраба І., Шкраба Р.* Крынічнае слова: беларускія прыказкі і прымаўкі. Мінск: Мастацкая літаратура, 1987.
58. *Лепешаў І.Я., Якалцэвіч М.А.* Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011.
59. *Іваноў Я.Я.* Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2011.
60. *Arthaber A.* *Dizionario comparato die proverbi e modi proverbiali: italiani, latini, francesi, spagnoli, tedeschi, inglesi e greci antichi con relativi indici sistematico-alphabetici*. Milano: Ulrico Hoepli Editore, 1989.
61. *Grigas K.* *Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis*. Vilnius: Vaga, 1987.
62. *Muñoz J.S.* *1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso)*. S.A. Eiunsa: Ediciones Internacionales Universitarias, 2001.
63. *Лепешаў І.Я.* *Этымалагічны слоўнік прыказак*. Мінск: Вышэйшая школа, 2014.
64. *Петрушэўская Ю.А.* Да праблемы вызначэння нацыянальнай адметнасці прыказкавага фонду беларускай мовы // *Філолагічний часопис*. 2018. Вип. 2(12). С. 70—75.
65. *Петрушэўская Ю.А.* Нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду беларускай мовы // *Учённыя записки ВГУ имени П.М. Машерова*. 2018. Т. 27. С. 150—154.
66. *Іваноў Я.Я.* Семантыка беларускіх афарызмаў // *Известия Гомельского государственного университета*. 2000. № 2 (25). С. 94—99.
67. *Петрушэўская Ю.А.* *Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік: больш за 950 беларускіх, каля 8600 іншамоўных прыказак*. Магілёў: МДУ, 2020.

68. Świerczyńska D., Świerczyński A. Słownik przysłów w ośmiu językach. Warszawa: PWN, 1998.
69. Петрушэўская Ю.А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *Адна галава добра, а дзве лепі* // Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология. 2015. № 5 (78). С. 84—96.
70. Петрушэўская Ю.А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *З вялікага грому малы дождж* // Роднае слова. 2016. № 1. С. 44—47.
71. Петрушэўская Ю.А. Пра сферу ўжывання і паходжанне прыказкі *Хто мажа, той і едзе* // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 138—144.
72. Oxford Dictionary of Proverbs / ed. J. Speake. Oxford: Oxford University Press, 2008.
73. Мокиенко В.М. Из истории фразеологических американизмов. 2 // Rossica Olomucensia. 2011. Vol. L. № 1. S. 55—70.
74. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2017.
75. Солодухо Э.М. Проблемы интернационализации фразеологии. Казань: Изд-во Казанского университета, 1982.
76. Petrusheuskaya Y. Linguistic universals and paremiological fund of the language // Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science. 2019. № 2. P. 115—121.
77. Петрушэўская Ю.А. Аб’ём і склад універсальных адзінак у парэміялагічным фондзе беларускай мовы // Філолагічны студыі. 2018. Вип. 18. С. 48—62.
78. Петрушевская Ю.А. Методология определения национального, интернационального и универсального в фразеологии и паремиологии белорусского языка // West-East. 2021. Vol. 5. № 1. P. 61—72.
79. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц / под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
80. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
81. Петрушэўская Ю.А. Паняцце парэміялагічнага фонду мовы і прынцыпы яго дыферэнцыяцыі (у сувязі з вызначэннем універсальнага і нацыянальнага кампанентаў у парэміялагічнай сістэме мовы) // Філолагічны часопіс. 2015. Вип 1(6). С. 100—106.
82. Mieder W. Proverbs: A Handbook. Westport, CT: Greenwood Press, 2004.
83. Иванов Е.Е., Новикова А.А. Основной паремиологический фонд английского языка // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте — 2015. Могилев: МГУ, 2016. С. 314—317.
84. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: около 1200 пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991.
85. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.
86. Proverbia et dicta: шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / пад рэд. Н.А. Ганчаровай. Мінск: Універсітэцкае, 1993.
87. Іваноў Я.Я., Раманава Н.К. Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch. Магілёў: МДУ, 2006.
88. Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилёв: МГУ, 2007.
89. Иванова С.Ф., Іваноў Я.Я. Польшка-беларускі парэміялагічны слоўнік = Polsko-białoruski słownik paremiologiczny. Магілёў: МДУ, 2007.
90. English-Belarusian Paremiological Dictionary / пад рэд. Я.Я. Іванова. Магілёў: МДУ, 2009.
91. Прислів’я та приказкі / упоряд. М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1989—1991.
92. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich: T. I—IV / red. J. Krzyżanowski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969—1978.
93. Lietuvių patarlės ir priežodžiai / Parinko ir sudarė P. Sasnauskas. Kaunas: Vaiga, 2001.
94. Kokare E. Latviešu un lietuviešu sakāmvaržu paralēles. Rīga: Zinātne, 1980.
95. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Модель // Языкознание. М.: БСЭ, 1998. С. 304—305.
96. Селиверстова Е.И. Опыт выявления пословичного бинома и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении. 2009. № 1 (17). С. 182—200.

97. Лепешаў І.Я., Якаліцэвіч М.А. Слоўнік беларускіх прыказак. Мінск: Беларуская навука, 2002.
98. Петрушэўская Ю.А. Нацыянальна-культурны кампанент у складзе ўласна беларускіх прыказак // Філолагічны часопіс. 2020. Вип. 1(15). С. 81—91.
99. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ; Астрель, 2008.

References

1. Mokienko, V.M. (2010). The Modern Paremyology (Linguistic Aspects). *The World of Russian Word*, 3, 6—20. (In Russ.).
2. Alefirenko, N.F. & Semenenko, N.N. (2009). *Phraseology and Paremyology*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
3. Paremyology in Discourse (2015), O.V. Lomakina (ed.). Moscow: URSS: Lenand. (In Russ.).
4. Paremyology without Borders (2020), M.A. Bredis, O.V. Lomakina (eds.). Moscow: RUDN. (In Russ.).
5. Savenkova, L.B. (2002). *Russian Paremyology: Semantic and Linguocultural Aspects*. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House. (In Russ.).
6. Lepeshev, I.Ya. (2006). *Paremyology as a Separate Section of Linguistics*. Grodna: GRDU. (In Bel.).
7. Koloiz, Zh.V., Malyuga, N.M. & Sharmanova, N.M. (2014). *Ukrainian Paremyology*. Kriviy Rig: KNU. (In Ukrainian).
8. Kotova, M.Yu. (2003). *Essays on Slavic Paremyology*. St. Petersburg: SPbGU. (In Russ.).
9. Bredis, M.A., Ivanov, E.E., Lomakina, O.V., Nelyubova, N.Yu. & Petrushevskaya, Yu.A. (2021). *Paremyology at the crossroads of languages and cultures*. Moscow: Publishing house of RUDN. (In Russ.).
10. Danilenko, L.I. (2019). *Cheska Paremyology in Genetic, Linguo-cognitive and Discursive Visibility*. Kiev: Vidavnychiy dim of Dmitry Burago. (In Ukrainian). (In Ukrainian).
11. Bredis, M.A., Dimoglo, M.S., & Lomakina, O.V. (2020). Paremyias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 265—284. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284. (In Russ.).
12. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2019). Proverb in Modern Linguistics: Definition, Status, Functioning. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 3, 34—43. (In Russ.).
13. Ivanov, E.E. (1995). Aphorism as a Unit of Language (to the History and Theory of the Concept). In: *Linguistics at the End of the Twentieth Century: Results and Prospects*: in 2 volumes, I.M. Kobozeva (ed.). Vol. 1. Moscow: Filologija. pp. 192—193. (In Russ.).
14. Ivanov, E.E. (2019). Aspects of Empirical Understanding of Aphorism. *RUDN Journal Of Language Studies, Semiotics And Semantics*, 10(2), 381—401. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401. (In Russ.).
15. Ivanov, E.E. (2019). Aphoristic Units Recurrence in Modern Russian Language. *Russian Language Studies*, 17(2), 157—170. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170. (In Russ.).
16. Ivanov, E.E. (2016). *Linguistics of Aphorism*. Mogilev: Mogilev State University. (In Russ.).
17. Ivanov, E.E. (2017). *Aphoristic Units in the Belarusian Language*. Mogilev: Mogilev State University. (In Bel.).
18. Felitsyna, V.P. & Prokhorov, Yu.E. (1998). *Russian Proverbs, Sayings and Winged Words: a Linguistic and Cultural Dictionary*. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
19. Paczolay, G. (1997). *European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese*. Veszprém: Veszprémi Nyomda.
20. Ivanova, S. & Ivanov, E. (1997). *Dictionary of Belorussian Proverbs, Sayings and Winged Expressions*. Minsk. (In Bel.).

21. Wander, K.F.W. (1867—1880.). *Deutsches Sprichwörter-Lexikon*: Bd. I—V. Leipzig: F.A. Brockhaus. (In Germ.).
22. Ivanov, E. & Petrushevskaja, Ju. (2015). Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 8(5), 864—872.
23. Strauss, E. (1994). *Dictionary of European Proverbs: Vol. 1—3*. London & New York: Routledge.
24. Kotova, M.Yu. (2000). *Russian-Slavic Dictionary of Proverbs (with English Equivalents)*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. (In Russ.).
25. Mokienko, V.M. & Nikolaeva, E.K. (2001). Russian Proverbs and Sayings and a Non-Russian Picture of the World. In: *Russian Language at the Turn of the Millennium*. Vol. 1. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. Vol. 1. pp. 112—122. (In Russ.).
26. Mokienko, V.M. & Nikolaeva, E.K. (2008). International Foundation for the Russian Phraseological Picture of the World. In: *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 3. Frazeologia*, W. Mokijenko, H. Walter (eds.). Opole: Wyd-wo UO. pp. 149—163. (In Russ.).
27. Petrushevskaja, Ju.A. (2014). International, Borrowed and Native Language Units in the Paremiological Stock of the Modern Belarusian Language. *Vestnik of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University*, 77, 123—126. (In Russ.).
28. Petrushevskaja, Ju.A. (2017). Universal, International and National Components of the Paremiological Stock of the Modern Belarusian (on the Material of Journalistic Texts). *Philological Studies*, 16, 195—201. (In Bel.).
29. *Nationales und Internationales in der slawischen Praseologie* (2013), H. Walter, V.M. Mokienko (Hrsg.). Greifswald: E.M.A.—Universität. (In Germ.).
30. Mokienko, V.M. (2020). Linguoculturological Paremiology in the European Retrospective. In: *Promising Directions of Modern Linguistics*, V.V. Vorobyov, D.S. Sknarev, M.L. Novikova (eds.). Moscow: RUDN. pp. 42—53. (In Russ.).
31. Mokienko, V.M. (2006). National and International in Slavic Paremiology. In: *Globalization — Ethnization: Ethnocultural and Ethno-Linguistic Processes*, G.P. Neshchimenko (ed.). Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 219—248. (In Russ.).
32. Petrushevskaya, Ju.A. (2015). Universal and National in the Paremiological System of Language (on the Material of English and Belarusian Languages). *Acta Germano-Slavica*, 6, 213—216. (In Russ.).
33. Mokienko, V.M. (2018). The National and International in Russian Paremiology. In: *Crossing Borders: Intercultural Communication in a Global Context*. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. pp. 202—205. (In Russ.).
34. Bredis, M.A. (2019). National and International Elements in Proverbs: The Proverb „Работа не волк, в лес не убежит“ and its Analogues in Different Languages. *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Physiological sciences. Scientific Journal*, 5(71)—1, 143—160 (In Russ.).
35. Bredis, M.A., Lomakina, O.V & Mokienko, V.M. (2020). Rusin Phraseology as an Example of Cultural and Linguistic Transfer in Slavic Languages (Based on Numerative Units). *Rusin*, 60, 198—212. DOI: 10.17223/18572685/60/12. (In Russ.).
36. Bredis, M.A. & Lomakina, O.V. (2020) Border Territories as an Example of Cultural and Linguistic Transfer (Based on Phraseology and Paremiology). *Ethnopolitical Issues. Scientific Journal*, 2, 28—38 (in Russ.).
37. Lomakina, O.V. (2021). Concepts of God and Faith in Uzbek and Tajik Proverbs in Terms of Culture and Language Transfer Theory. *European Journal of Science and Theology*, 17(2), 125—135.
38. Bredis, M.A. (2014). Reflexion of Value Priorities in Paremiology (Based on Russian, Latvian, Lithuanian, German and English Proverbs Concerning Friendship and Money). *Vestnik of Yaroslav-the-Wise Novgorod State University*, 77, 102—104. (In Russ.).
39. Nichiporchik, E.V. (2015). *Reflection of Value Orientations in Paremiology*. Gomel. (In Russ.).

40. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018). Value Constants of the Rusin Paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian Languages). *Rusin*, 4(54), 303—317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>. (In Russ.).
41. Nelyubova, N.Y. (2019). Representation of Ethno-Cultural Values in the Proverbs of French-Speaking Countries. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(2), 323—335. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335. (In Russ.).
42. Nelyubova, N.Y., Hiltbrunner, V.I., & Ershov, V.I. (2019). The Reflection of the Hierarchy of Values in the Proverbial Fund of the Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics*, 23(1), 223—243. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243. (In Russ.).
43. Nelyubova, N.Yu. (2019). The Family as a Universal Value in the French and Russian Proverbial Picture of the World. *Scientific Essays of Higher Education*, 6, 50—59. DOI:10.20339/PhS.6-19.050. (In Russ.).
44. Nelyubova, N.U., Syomina, P.S., & Kazlauskiene, V. (2020). Gourmandise in the Hierarchy of Values: A Case Study of French and Belgian Proverbs and Sayings. *Russian Journal of Linguistics*, 24(4), 969—990. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990. (In Russ.).
45. Bredis, M.A. (2015). The Relationship between the Concepts of “Wealth” and “Mind” in the Paremiological Picture of the World of Different Linguistic Cultures (Based on the Material of Russian, Latvian, Lithuanian and German Languages). *Bulletin of the Center for International Education of Moscow State University. Series: Philology. Culturology. Pedagogy. Methodology*, 2, 54—59. (In Russ.).
46. Bredis, M.A. (2016). FRUGALITY and COVETOUSNESS in Proverbs (Based on Russian, Latvian, German, English and Tadjik). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 7(1), 131—138. (In Russ.).
47. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016). Cognitive Potential of Rusin Proverbs Compared with Those in the Russian and Ukrainian Languages. *Rusin*, 3(45), 119—128. DOI: 10.17223/18572685/45/9. (In Russ.).
48. Lomakina, O.V. & Mokienko V.M. (2018). Carpathian Somatic Paremia on a Slavic Background. *Slavica Tartuensia*, XI, 103—128. (In Russ.).
49. Bredis, M.A. (2019). *Man and Money: Essays on Russian Proverbs and Not Only*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies Publ. (In Russ.).
50. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2021). Numeric Code of the Rusin Languaculture (Based on Figurative Units). *Cognitive Studies of Language*, 2(45), 202—212. (In Russ.).
51. Gutovskaya, M.S. (2014). Ethnospecificity of the Phraseological Picture of the World and the Factors Generating It. *Bulletin of the BSU. Series 4*, 2, 48—53. (In Bel.).
52. Petrushevskaja, Ju.A. (2019). Study of the national-cultural component in the paremiological fund of the Belarusian language. *Trudy BSTU. Series 4*, 1(217), 123—129. (In Bel.).
53. Ivanov, E.E. & Petrushevskaya, Ju.A. (2021). Main Components of a Proverb as a Linguistic Unit: a Proverbial Structural and Semantic Model. *Vesti BSPU*, 3, 104—110. (In Bel.).
54. Ivanov, E.E., Lomakina, O.V. & Nelyubova, N.Yu. (2021). Semantic Analysis of Tuvan Proverbs: Models, Imagery, Concepts (Against the European Paremiological Background). *New Research of Tuva*, 3, 232—248. DOI: 10.25178/nit.2021.3.17. (In Russ.).
55. Ivanov, E. (2002). *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS.
56. Shkraba, I. & Shkraba, R. (1987). *Source Word: Belarusian Proverbs and Sayings*. Minsk: Mastackaja Litaratura Publ. (In Bel.).
57. Lepeshev, I.Ya. & Yakoltsevich, M.A. (2011). *Explanatory Dictionary of Proverbs*. Grodno: GRDU. (In Bel.).
58. Ivanov, E.E. (2011). *Winged Aphorisms in the Belarusian Language: from Foreign Literary and Folklore Sources from 8th to 20th Century: Explanatory Dictionary*. Mogilev: Mogilev State University. (In Bel.).
59. Arthaber, A. (1989). *Dizionario comparato die proverbi e modi proverbiali: italiani, latini, francesi, spagnoli, tedeschi, inglesi e greci antichi con relativi indici sistematico-alphabetici*. Milano: Ulrico Hoepli Editore. (In Ital.).

60. Grigas, K. (1987). *Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis*. Vilnius: Vaga. (In Lithuanian).
61. Muñoz, J.S. (2001). *1001 refranes españoles con su correspondencia en ocho lenguas (alemán, árabe, francés, inglés, italiano, polaco, provenzal y ruso)*. S.A. Eiunsa: Ediciones Internacionales Universitarias. (In Spanish).
62. Lepeshev, I.Ya. (2014). *Etymological Dictionary of Proverbs*. Minsk: Higher School Publishing House. (In Bel.).
63. Petrushevskaja, Ju.A. (2018). On the Problem of the Definition of National Identity Paremiological Foundation of the Belarusian Language. *Philological Review*, 2(12), 70—75. (In Bel.).
64. Petrushevskaya, Ju.A. (2018). National Feature of the Proverbial Fund of the Belarusian Language. *Scientific notes of Educational Establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"*, 27, 150—154. (In Bel.).
65. Ivanov, E.E. (2000). Semantics of Belarusian Aphorisms. *Proceedings of the Gomel State University*, 2 (25), 9—99. (In Bel.).
66. Petrushevskaya, Ju.A. (2020). Universal and International Components in the Paremiological Fund of the Belarusian Language: Belarusian—Foreign Dictionary: more than 950 Belarusian, about 8600 Foreign Proverbs. Mogilev: Mogilev State University.
67. Świerczyńska, D. & Świerczyński, A. (1998). *Słownik przysłów w ośmiu językach*. Warszawa: PWN. (In Polish).
68. Petrushevskaya, Ju.A. (2015). On the Scope and Origin of the Proverb „Адна галава добра, а дзве <яшчэ> лепш (лепей)“. *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology*, 5(78), 84—96. (In Bel.).
69. Petrushevskaya, Ju.A. (2016). On the Scope and Origin of the Proverb „З вялікага грому малы дождж“. *Native word*, 1, 44—47. (In Bel.).
70. Petrushevskaya, Ju.A. (2016). On the Scope and Origin of the Proverb „Хто мажа, той і едзе“. *Bulletin of Polotsk State University. Series A: Humanities*, 2, 138—144. (In Bel.).
71. Oxford Dictionary of Proverbs (2008), J. Speake (ed.). Oxford: Oxford University Press.
72. Mokienko, V.M. (2011). From the History of Phraseological Americanisms. 2. *Rossica Olomucensia*. 1, 55—70. (In Russ.).
73. Marinova, E.V. (2017). *The Theory of Borrowing in Basic Concepts and Terms: a Reference Dictionary*. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.).
74. Solodukho, E.M. (1982). *Problems of Internationalization of Phraseology*. Kazan: Kazan University Publishing House. (In Russ.).
75. Petrushevskaya, Y.A. (2019). Linguistic Universals and Paremiological Fund of the Language. *Herald of Polotsk State University. Series A. Humanity Science*, 2, 115—121. (In Bel.).
76. Petrushevskaya, Y.A. (2018). The Volume and Composition of Universal Units in the Belarusian Proverbial Fund. *Philological Studies*, 18, 48—62. (In Bel.).
77. Petrushevskaya, Yu.A. (2021). Methodology for Determining National, International and Universal in Belarusian Phraseology and Paremiology. *West—East*, 5(1), 61—72. (In Russ.).
78. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010). *A Large Dictionary of Russian Proverbs*, V.M. Mokienko (ed.). Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.).
79. Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. *Aspects of the Theory of Phraseology*. Moscow: Znak. (In Russ.).
80. Petrushevskaya, Yu.A. (2015). Concept Paremiological Stock Language and the Principles of its Differentiation (in Connection with the Definition of Universal and National Components Paremiological Language System). *Philological Review*, 1(6), 100—106. (In Bel.).
81. Mieder, W. (2004). *Proverbs: A Handbook*. Westport, CT: Greenwood Press.
82. Ivanov, E.E. & Novikova, A.A. (2016). The Basic Paremiological Stock of the English Language. *East Slavic Languages and Literatures in the European Context — 2015*. Mogilev: Mogilev State University. pp. 314—317. (In Russ.).
83. Zhukov, V.P. (1991). *Dictionary of Russian Proverbs and Sayings: about 1200 Proverbs and Sayings*. Moscow: Russkij jazyk. (In Russ.).
84. Permyakov, G.L. (1988). *Fundamentals of Structural Paremiology*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

85. *Proverbia et dicta: a Six-Language Dictionary of Proverbs, Sayings and Winged Words* (1993), N.A. Goncharova (ed.). Minsk.
86. Ivanov, E.E. & Romanova, N.K. (2006). *Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch*. Mogilev: Mogilev State University. (In Germ.).
87. Ivanov, E.E. & Mokienko, V.M. (2007). *Russian-Belarusian Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev State University. (In Russ.).
88. Ivanova, S.F. & Ivanov, E.E. (2007). *Polish-Belarusian Paremiological Dictionary*. Mogilev: Mogilev State University. (In Bel.).
89. *English-Belarusian Paremiological Dictionary* (2009), E.E. Ivanov (ed.). Mogilev. (In Bel.).
90. *Proverbs and Sayings* (1989—1991), M.M. Pazyak (ed.). Kyiv: Naukova Dumka. (In Ukrainian).
91. *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*. (1969—1978.) Vol. I—IV, J. Krzyżanowski (ed.). Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. (In Polish).
92. *Lietuvių patarlės ir priežodžiai* (2001), P. Sasnauskas (ed.). Kaunas: Vaiga. (In Lithuanian).
93. Kokare, E. (1980). *Latviešu un lietuviešu sakāmvārdu paralēles*. Rīga: Zinātne. (In Latvian).
94. Bulygina, T.V. & Krylov, S.A. (1998). Model. In: *Linguistics*. Moscow: Great Russian Encyclopedia Publ. pp. 304—305. (In Russ.).
95. Seliverstova, E.I. (2009). The Experience of Identifying the Proverbial Binomial and the Problem of Variance. *Russian Language and Linguistic Theory*, 1(17), 182—200. (In Russ.).
96. Lepeshev, I.Ya. & Yakoltsevich, M.A. (2002). *Dictionary of Belarusian Proverbs*. Minsk: Belaruskaja navuka. (In Bel.).
97. Petrushevskaya, Ju.A. (2020). National and Cultural Component in the Proper Belarusian Proverbs. *Philological Review*, 1(15), 81—91. (In Bel.).
98. Fedorov, A.I. (2008). *Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language*. Moscow: AST; Astrel. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Иванов Евгений Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков, Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (Республика Беларусь); *e-mail*: ivanov_ee@msu.by; vanov-msu@mail.ru

Ломакина Ольга Валентиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, Российский университет дружбы народов; профессор кафедры русского языка Института филологии, Московский педагогический государственный университет; *e-mail*: lomakina-ov@rudn.ru; rusoturisto07@mail.ru

Петрушевская Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков, Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова (Республика Беларусь); *e-mail*: petrushevskaja@msu.by

Information about the authors:

Eugene E. Ivanov, PhD of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages, Mogilev State A. Kuleshov University (Belarus); *e-mail*: ivanov_ee@msu.by; vanov-msu@mail.ru

Olga V. Lomakina, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages at the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Professor of the Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University (MGPU); *e-mail*: lomakina-ov@rudn.ru; rusoturisto07@mail.ru

Julia A. Petrushevskaya, PhD of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages, Mogilev State A. Kuleshov University (Belarus); *e-mail*: petrushevskaja@msu.by